Historia provinciae – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 4. С. 1092–1142
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 5, no. 4 (2021):1092–1142

Научная статья
УДК 929
https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-4-2

Черный кот, розовые лягушки и «некрологи на память»: вологодская ссылка А.А. Богданова

Алла Юрьевна Морозова
Институт российской истории РАН,
Москва, Россия,
allamorozova1992@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-2330-3795

Alla Yu. Morozova
Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
allamorozova1992@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-2330-3795

Аннотация. Целью данной статьи было собрать вместе разрозненную информацию о вологодской ссылке А.А. Богданова и проследить, в каких условиях и как происходило в эти годы его формирование как политического деятеля и мыслителя. Выдающийся ученый, философ, врач и революционер А.А. Богданов провел в ссылке в Вологде три года (1901–1903). Одновременно с А.А. Богдановым вологодскую ссылку отбывали А.В. Луначарский, А.М. Ремизов, Н.А. Бердяев, Б.А. Кистяковский, П.Е. Щеголев, Б.В. Савинков с женой В.Г. Успенской, многие будущие видные деятели большевистской партии. В течение полутора лет А.А. Богданов жил в с. Кувшиново близ Вологды и работал врачом в психиатрической больнице, описание которой он позже использовал в научно-фантастическом романе «Красная звезда». Оставив службу и получив разрешение на частную практику, он использовал ее для визитов к своим единомышленникам, а также помогал ссыльным, давая им медицинские освидетельствования для полиции, позволявшие тем оставаться в губернском городе, а не быть отправленными в отдаленные населенные пункты Вологодской губернии. В ходе многочисленных дискуссий между ссыльными, принадлежавшими к разным философским и политическим лагерям, оттачивалось мастерство А.А. Богданова как философа и полемиста. Огромная целеустремленность, трудолюбие и сосредоточенность на своей научной деятельности к концу ссылки упрочили репутацию А.А. Богданова как известного марксистского публициста. Кроме того, благодаря нелегальной переписке с редакцией газеты «Искра» он наладил контакты с руководящими кругами формирующейся большевистской фракции РСДРП. Время, проведенное в

© Морозова А.Ю., 2021
© Morozova A., 2021

вологодской ссылке, не прошло даром для А.А. Богданова и оказало большое влияние на его формирование как ученого-исследователя и политического деятеля.

Ключевые слова: А.А. Богданов, А.В. Луначарский, Н.А. Бердяев, А.М. Ремизов, вологодская ссылка, с. Кувшиново, досуг ссыльных

Для цитирования: *Морозова А.Ю.* Черный кот, розовые лягушки и «некрологи на память»: вологодская ссылка А.А. Богданова // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 4. С. 1092–1142. https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-4-2

Black cat, pink frogs and ‘obituaries as a memento’: Alexander Bogdanov’s Vologda exile

Abstract. The purpose of this article is to collect together separate pieces of information about A. Bogdanov’s exile in Vologda and retrace the conditions under which his formation as a politician and a thinker was taking place in those years. An outstanding scientist, philosopher, physician and revolutionary, Alexander Bogdanov spent three years in exile in Vologda (1901–03). A. Lunacharsky, A. Remizov, N. Berdyaev, B. Kistyakovsky, P. Shchegolev, B. Savinkov and his wife V. Uspenskaya, and many of the future prominent figures of the Bolshevik Party were in exile in Vologda during that period. For a year and a half, Alexander Bogdanov lived in the village of Kuvshinovo near Vologda and worked as a doctor at a psychiatric hospital, the description of which he later used in his science fiction novel *Red Star*. After leaving the service and obtaining permission for private practice, he used his practice as an excuse to visit his associates. He helped the Vologda exiles by giving them medical examination certificates to be submitted to the police, which allowed the exiles to stay in the governorate city rather than be sent to the remote settlements of Vologda Governorate. In the course of numerous discussions between exiles belonging to different philosophical and political camps, Bogdanov’s skill as a philosopher and polemicist was honed. Thanks to the tremendous dedication, hard work, and concentration on his scientific activities, Alexander Bogdanov had strengthened his reputation as a famous Marxist writer by the end of the exile. Moreover, due to his illegal correspondence with the editorial board of the Iskra newspaper, he established contacts with the leading circles of the emerging Bolshevik faction of the Russian Social Democratic Labor Party. The time Alexander Bogdanov spent in exile in Vologda paid off and produced a great effect on his formation as a researcher and a political activist.

Key words: A. Bogdanov, A. Lunacharsky, N. Berdyaev, A. Remizov, Vologda exile, the village of Kuvshinovo, exiles’ leisure

For citation: Morozova, A. “Black cat, pink frogs and ‘obituaries as a memento’: Alexander Bogdanov’s Vologda exile.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 5, no. 4 (2021): 1092–1142, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-4-2

Введение

Александр Александрович Малиновский, вошедший в историю под псевдонимом Богданов, был очень разносторонней личностью – философом, оригинальным мыслителем, создателем всеобщей организационной науки –

тектологии, медиком, писателем-фантастом, политическим деятелем, одним из лидеров большевизма. Его жизненный путь как революционера на рубеже XIX–XX вв. складывался по общей для многих в то время схеме: исключение из университета за участие в студенческих волнениях («беспорядках» – по полицейской терминологии), высылка из Москвы под надзор полиции, руководство рабочими кружками и привлечение к дознанию уже по «политическому делу», ссылка под гласный/негласный надзор полиции[1] в более или менее отдаленную губернию… В воспоминаниях многих участников революционного движения встречаются упоминания о том, что пребывание в ссылке сыграло большую роль в складывании их мировоззрения и способствовало их политическому самоопределению.

О пребывании ссыльного А.А. Богданова в Вологде в 1901–1903 гг. имеются более или менее подробные сведения в воспоминаниях самых разных людей, встречавшихся с ним в то время[2], в документальных публикациях[3], а также в ряде исследовательских и публицистических работ[4]. Сам А.А. Богданов

---

[1] О роли административной ссылки на рубеже XIX–XX вв. см., в частности: *Калинина Д.А.* Феномен политической ссылки в оценках российских ученых и политических деятелей // Вестник ВятГГУ. 2011. № 3-1. С. 42–47; *Земляков А.В*. Административная ссылка в Российской империи конца XIX – начала XX в. // Омский научный вестник. 2003. № 2 (23). С. 17–20; *Пономарев Е.Г., Дудченко Ю.Л., Рассказов В.Л.* Внесудебные репрессии как мера борьбы по охране государственного строя в России во второй половине XIX – начале XX века // Философия права. 2014. № 5 (66). С. 62–67.

[2] *Зайкевич В.* Коммуна // Северная звезда. 1922. № 4. С. 79–81; *Луначарский А.В.* Из вологодских воспоминаний // Север. 1923. № 2. С. 1–5; *Ермолаев Е.И.* Мои воспоминания // Север. 1923. Кн. 3–4. С. 1–28; *Бердяев Н.А.* Самопознание. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2016; *Струмилин С.Г.* Из пережитого. 1897–1917 гг. Москва: Политиздат, 1957; *Френкель З.Г.* Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути / публикация, составление, комментарии и вступительная статья Р.Б. Самофал. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009; *Ремизов А.М*. Иверень // Ремизов А.М. Собрание сочинений. Москва: Русская книга, 2000–2003. Т. 8. С. 261–512.

[3] Марксисты-ленинцы в Вологодской ссылке (Из истории вологодской политической ссылки. 1893–1914 гг.): сборник докладов и материалов / под редакцией В.А. Дмитриевой, и др. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1977.

[4] *Новоселов В.* «Смысл грядущего открыть» // Русский Север. 1991. 9 февраля. С. 3; *Новоселов В.* Новое о вологодской ссылке А.А. Богданова // Труды комиссии по научному наследию А.А. Богданова / ответственный редактор Н.К. Фигуровская; редактор-составитель Г.Д. Гловели. Москва: Институт экономики, 1992. С. 179–186; *Новоселов В.* Марсиане из-под Вологды. Историко-литературное эссе об Александре Александровиче Богданове (Малиновском). Вологда: Ардвисура, 1994; *Новоселов В.* Вологодская ссылка А.А. Богданова // Вестник Международного института А. Богданова. Москва, 2004. С. 10–19; *Яковлева А.Ф.* А.А. Богданов (Малиновский): контекст формирования социально-философских идей (конец XIX – нач. XX вв.) // Философская мысль. 2015. № 12. С. 1–23. URL: https://e-notabene.ru/fr/article_17581.htm (дата обращения: 26.02.2021); *Безчасный К.В.*

приводит сведения о своей жизни в Вологде в ответе на запрос Института Ленина при ЦК ВКП(б)[5].

Цель данной статьи – собрать вместе разрозненную информацию о вологодской ссылке А.А. Богданова и проследить, в каких условиях и как происходило в эти годы его формирование как политического деятеля и мыслителя.

А.А. Богданов. 1902 г.
Источник: Из личного архива А.А. Малиновского, правнука А.А. Богданова

О ссылке на три года под гласный надзор полиции в Вологодскую губернию, считая срок с 31 декабря 1900 г., А.А. Богданову было объявлено 25 февраля 1901 г. Первоначально местом ссылки был назначен г. Яренск (Архангельской губернии), но в связи с беременностью жены ему было разрешено остаться в Вологде.

Вологда как место ссылки к началу XX века

К началу XX в. Вологда продолжала оставаться одним из традиционных мест политической ссылки. Благодаря относительной близости к Санкт-Петербургу и Москве и наличию путей сообщения Вологодскую губернию образно называли «подстоличной Сибирью». В донесении начальника

Концептуальные представления А.А. Богданова о теории самоорганизации систем в клинике нервно-психических заболеваний // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2019. Т. 11, № 3 (56). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2019_3_56/nomer09.php (дата обращения: 26.02.2021); *White J.D.* Red Hamlet: the life and ideas of Alexander Bogdanov. Leiden; Boston: Brill, 2018. P. 56–87.

[5] Неизвестный Богданов. Кн. 1. А.А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901–1928 гг. / составление, публикация, комментарии, именной указатель Н.С. Антоновой, Н.В. Дроздовой. Москва: АИРО-XX, 1995. С. 32–33.

Вологодского губернского жандармского управления в сентябре 1901 г. сообщалось, что

> в г. Вологде неблагонадежных в политическом отношении проживает 55 человек, а именно состоящих под гласным надзором 29 и состоящих под негласным надзором 26[6].

К началу 1903 г. в одной только Вологде, по сведениям губернского жандармского управления, под гласным надзором полиции проживало 60 чел.[7] Еще большее количество ссыльных было рассеяно по уездным и заштатным городкам обширной Вологодской губернии.

В первые годы XX в. вологодская колония ссыльных изобиловала ставшими впоследствии знаменитыми и широко известными именами, одно перечисление которых позволяет понять, почему тихий северный городок называли «Северными Афинами»: А.А. Богданов, А.В. Луначарский, А.М. Ремизов, Н.А. Бердяев, Б.А. Кистяковский, П.Е. Щеголев, Б.В. Савинков с женой В.Г. Успенской, многие другие, в том числе будущие видные деятели большевистской партии.

Отношение местной администрации к ссыльным в целом было довольно либеральным, чему способствовала лояльная позиция губернаторов – Л.М. Князева и сменившего его на этом посту в 1902 году А.А. Лодыженского[8]. Благодаря этому у ссыльных была возможность отлучаться (с разрешения начальства) из определенного им места проживания. Так, А.А. Богданов в июле 1902 г. принял участие в экспедиции В.А. Русанова по Зырянскому краю, а осенью того же года навестил своего товарища по революционной и литературной работе В.А. Руднева (псевд. Базаров), который в это время отбывал ссылку в Енисейской губернии. Разрешение на двухмесячную отлучку из Вологды он получил ввиду своего болезненного состояния. В медицинском заключении указывалось, что ссыльный Богданов страдает «хроническим бронхитом верхней доли левого легкого с подозрением на туберкулез, особенно вероятным ввиду имеющегося наследственного предрасположения» и

---

[6] Донесение начальника Вологодского ГЖУ // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. ДП ОО. 1898. Д. 9. Ч. 47. Л. 3.

[7] См.: Марксисты-ленинцы в вологодской ссылке. С. 6.

[8] См.: *Коновалов Ф.Я.* Эффективность административной ссылки как меры наказания в начале XX века: (по материалам Вологодской губернии) // Европейский Север России: традиция и модернизационные процессы: материалы научной конференции (Молочное, 2–3 марта 2006 г.) / под редакцией М.А. Безнина и др. Ч. 1. Вологда; Молочное: ИЦ ВГМХА, 2006. С. 130; *Филатов Н.* Присяжный поверенный // Закония. URL: https://www.zakonia.ru/site/270922 (дата обращения: 04.04.2021).

нуждается на осенние месяцы в переезде в местность со «здоровым континентальным климатом»[9]. Енисейская губерния в качестве такой местности была выбрана Богдановым потому, что в это время готовился сборник «Очерки реалистического мировоззрения» и встреча с Рудневым была необходима для обсуждения статей.

Из ссылки Богданов отлучался еще дважды: с 3 февраля по 7 марта 1903 г. он уезжал в Москву в связи с операцией жены и с 17 июня по 11 июля 1903 г. – в дер. Окуневы Горы Ливенского уезда Орловской губернии в имение зятя, земского начальника В.Ф. Завидовского, опять же в связи с потребностью в сухом и здоровом климате[10].

А.А. Богданов в с. Кувшиново

Прожив некоторое время в губернском городе, А.А. Богданов перебрался в с. Кувшиново, находящееся в четырех километрах от Вологды, где с 1 октября 1901 г. он служил сначала ординатором, а затем врачом в психиатрической больнице. Принять его туда было разрешено «исключительно по вольному найму и при условии самого строгого наблюдения со стороны» губернатора «за его деятельностью вообще»[11]. Кроме того, по свидетельству З.Г. Френкеля, бывшего в это время заведующим врачебно-санитарным бюро Вологодского губернского земства, «вследствие вакантности места директора» Богданов «фактически исполнял его обязанности»[12].

Один из старых корпусов Кувшиновской больницы
(Фото из открытых источников)

[9] Заключение // ГАРФ. Ф. 102. ДП-3. 1894. Д. 1570. Л. 118.
[10] Там же. Л. 132, 135.
[11] Заявление врача А.А. Малиновского // ГАРФ. Ф. 102. ДП-3. 1894. Д. 1570. Л. 116.
[12] *Френкель З.Г.* Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. С. 188.

По воспоминаниям фельдшера К.Ф. Уханова, место было живописное:

> Река с высокими в этом месте берегами, большие сосновые рощи и много другой растительности создавали впечатление хорошей дачной местности, окруженной летом просторами зеленеющих полей и оживленной пением птиц, а весной звонкими соловьиными трелями[13].

Описание этой лечебницы А.А. Богданов потом использовал в романе «Красная звезда», а его собственные черты угадываются в докторе Вернере, одном из героев романа: больница

> была очень скверно устроена и всегда страшно переполнена, с необыкновенно ловким экономом и недостаточным, замученным работою медицинским персоналом. Доктор Вернер вел упорную войну с очень либеральной земской управой из-за эконома, из-за лишних бараков, которые она строила очень неохотно, из-за церкви, которую она достраивала во что бы то ни стало[14], из-за жалованья служащих и т.п. Больные благополучно переходили к окончательному слабоумию вместо выздоровления, а также умирали от туберкулеза вследствие недостатка воздуха и питания. Сам Вернер, конечно, давно ушел бы оттуда, если бы его не вынуждали оставаться совершенно особые обстоятельства, связанные с его революционным прошлым[15].

В описании жизни рабочего Владимира, который в клинике доктора Вернера присматривал за главным героем, вернувшимся с Марса с расстроенной психикой, использованы факты из биографии фельдшера И.Е. Ермолаева, работавшего в Кувшиновской клинике вместе с А.А. Богдановым[16].

> …он был рядовым революции, но уже испытанным солдатом. Во время одного знаменитого погрома, где множество товарищей погибло от пуль и в

---

[13] *Уханов К.Ф.* Далекие годы. Записки фельдшера. К истории Вологодской лечебницы для душевно больных в с. Кувшинове // Вологодская областная психиатрическая больница. Официальный сайт. URL: https://www.xn--90ab0be.xn--p1ai/sites/default/files/dalyokiegody.pdf (дата обращения: 27.02.2021). См. также: *Шленская Г.В.* Вологодской областной психиатрической больнице – 120 лет // Социальная и клиническая психиатрия. 2012. Т. 22, № 4. С. 101.

[14] Церковь в Кувшиново, действительно, строилась во время пребывания там А.А. Богданова (см. об этом: *Новоселов В.* Марсиане из-под Вологды. С. 12–13).

[15] *Богданов А.А.* Красная звезда // Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет / под редакцией Л.И. Абалкина. Москва: Политиздат, 1990. С. 195.

[16] См. об этом: *Новоселов В.* Марсиане из-под Вологды. С. 13.

пламени пожара, он пробил себе дорогу сквозь толпу погромщиков, застрелив несколько человек и не получив по какой-то случайности ни одной раны[17].

Сам И.Е. Ермолаев в своих воспоминаниях так описывает легшие в основу вышеприведенного эпизода реальные события, когда 1 мая 1906 г. он вместе с рабочими-дружинниками участвовал в разгоне возглавляемой черносотенцами толпы, которая подожгла вологодский Народный дом:

…я пошел навстречу толпе, стреляя из браунинга, тщательно целясь, укрываясь от камней и револьверных пуль за попутными телеграфными и телефонными столбами. Толпа отступала передо мною, не подходя ближе как на 60–100 шагов[18].

И.Е. Ермолаев
Источник: Из личного архива А.А. Малиновского, правнука А.А. Богданова

В Кувшиново А.А. Богданов прожил полтора года. И.Е. Ермолаев, близко общавшийся с ним и специально поступивший фельдшером в Кувшиновскую больницу, чтобы «выработать правильное миросозерцание» под руководством А. Богданова, так описывал его в своих воспоминаниях:

Среднего роста, широкоплечий, с светлыми волосами на голове и русой бородой и усами. Физически довольно сильный, простой и невзыскательный в

[17] *Богданов А.* Красная звезда. С. 198.
[18] *Ермолаев И.Е.* Мои воспоминания. С. 21.

> образе жизни и одежды. Физиономия его, по его же определению, обыкновенного среднего русского человека, приказчика, но громадный, нависший лоб, придающий суровое выражение лицу и твердые очертания подбородка говорят об упорной воле, настойчивости и уме. Глаза серые, обычное их выражение серьезность и усталость. Он был рассеян и не обнаруживал практической приспособляемости, хотя, кажется, сам о себе думал, что он недурной жизненный практик[19].

По воспоминаниям В. Зайкевича, жившего в это время в Кувшиново «коммуной» с фельдшерами И.Е. Ермолаевым и К. Гусевым, А.А. Богданов поражал всех своей работоспособностью:

> …помимо того, что в день напишет несколько страниц, вновь их обработает, перепишет вновь мелким характерно-отчетливым почерком, еще найдет время не только прочитать газеты две–три, но проштудировать какую-нибудь вышедшую книгу-новинку[20].

После проработки какой-либо темы А.А. Богданов

> читал реферат, на сделанные указания, недочеты, если последние оказывались, он обращал серьезное внимание и иногда вновь перерабатывал[21].

Помимо врачебной работы и усердных книжных занятий А.А. Богданов занимался астрономическими наблюдениями, используя собственноручно установленный на веранде телескоп, а также читал своим товарищам лекции по астрономии[22].

В феврале 1902 г. в Вологду приехал А.В. Луначарский, знакомый с А.А. Богдановым по калужской ссылке, и вскоре тоже поселился в Кувшиново[23].

---

[19] *Ермолаев И.Е.* Мои воспоминания. С. 5.

[20] *Зайкевич В.* Коммуна. С. 79.

[21] *Зайкевич В.* Коммуна. С. 79.

[22] См. об этом: *Зайкевич В.* Коммуна. С. 80; *Френкель З.Г.* Записки и воспоминания. С. 188; *Ермолаев Е.И.* Мои воспоминания. С. 8.

[23] Подробнее см.: *Кохно И.П.* Вологодская ссылка Луначарского // Литературное наследство. Т. 82. А.В. Луначарский. Неизданные материалы. Москва: Наука, 1970. С. 603–619.

А.В. Луначарский
Источник: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1742. Оп. 1. Д. 21189.

А.В. Луначарский и А.А. Богданов жили в небольшом деревянном домике при лечебнице, изредка наведываясь в губернский город. Когда к А.А. Богданову приехали родители с его сестрами, А.В. Луначарский, несмотря на противодействие старших Малиновских, после стремительного ухаживания женился на средней сестре – Анюте, как называли ее близкие (старшая – Мария – ему отказала[24]).

А.А. Малиновская (в замужестве Луначарская), сестра А.А. Богданова
Источник: Из личного архива А.А. Малиновского, правнука А.А. Богданова

[24] См.: *White J.D.* Red Hamlet: the life and ideas of Alexander Bogdanov. P. 58.

В это время в Кувшиновской больнице было всего два врача и А.А. Богданову приходилось много работать как врачу-психиатру, что, конечно, нередко приводило к переутомлению. По воспоминаниям И.Е. Ермолаева, в устах записного кувшиновского остроумца А.В. Луначарского это звучало так:

> Александр Александрович (А. Богданов. – *А. М.*) мне сегодня рассказывал, … о следующем загадочном случае, с ним происшедшем; А.А. входит в палату душевно-больных, которая оказалась в тот момент свободной от них, и на одной из кроватей увидал громадного черного кота с огненными глазами, он сначала весьма испугался, но быстро сообразил – это галлюцинация одного из больных и, успокоившись, проследовал далее[25].

Летом 1902 г. в Кувшиновскую больницу был назначен новый главврач – известный «землеволец», один из основателей «Черного передела», а к тому времени социал-демократ О.В. Аптекман. По словам И.Е. Ермолаева, он установил в больнице

> невозможный режим для врачей, фельдшеров и служителей. Кажется, все старшие врачи психиатрических лечебниц страдают манией величия, у Аптекмана же она была в еще более увеличенной степени[26].

Когда фельдшеры рассказали А.А. Богданову о «невозможно оскорбительном отношении» к ним нового главврача, «он сделал все возможное, чтобы защитить»[27] их. Возможно, именно вследствие этого конфликта А.А. Богданов и уволился из Кувшиновской больницы.

В заявлении А.А. Богданова в земскую управу в июне 1902 г. об увольнении в качестве формальной причины было указано «возрастающее нервное переутомление»[28]. Быть может, эта причина была и не столь формальной, ибо, как справедливо заметил К.Ф. Уханов,

> некоторые служащие путем привычки, а может быть благодаря особенным свойствам своего характера и крепкой от природы нервной системы приспосабливаются к однообразию жизни среди душевно больных людей и живут здесь по много лет, иногда до конца своей жизни. Но такие люди исключение из общего правила…[29]

[25] *Ермолаев И.Е.* Мои воспоминания. С. 10.
[26] *Ермолаев И.Е.* Мои воспоминания. С. 7.
[27] *Ермолаев И.Е.* Мои воспоминания. С. 7.
[28] *Новоселов В.* Вологодская ссылка А.А. Богданова. С. 15.
[29] *Уханов К.Ф.* Далекие годы. С. 42.

Об А.А. Богданове же П.Е. Щеголев в разговоре с А.М. Ремизовым заметил:

> практикуя сумасшедших, вы заметили его глаза – в их озерах поплескивают рыбки! – сам он… кандидат в Кувшиново[30].

Впрочем, учитывая, что освобожденный от должности с 1 июля 1902 г. и переехавший в Вологду А.А. Богданов уже в июле принял участие в упомянутой выше экспедиции В.А. Русанова, можно предположить, что причины для увольнения могли быть и иными. По свидетельству вологодского исследователя В. Новоселова, «в фондах местного музея политической ссылки есть описание некоторых подробностей этого путешествия. Хотя роль «топографа» А.А. Богданова в первой научной экспедиции В.А. Русанова еще предстоит уточнить»[31].

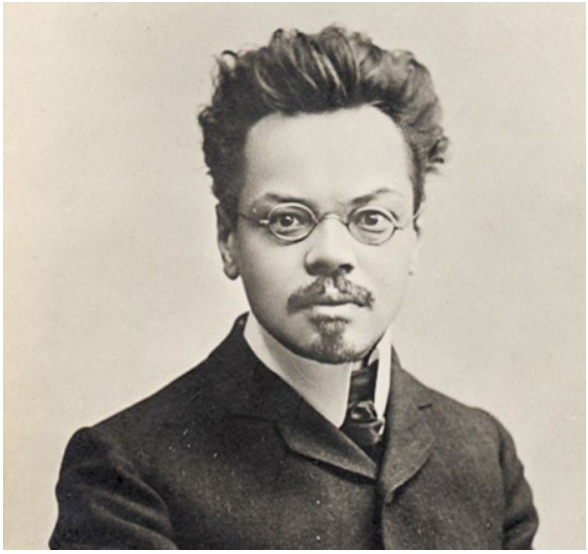
Частная практика врача А.А. Малиновского

Как бы то ни было, оставив службу, А.А. Богданов не прекратил медицинской деятельности и, получив разрешение на частную практику, использовал ее для визитов к своим единомышленникам, а также помогал ссыльным, давая им медицинские освидетельствования для полиции, позволявшие оставаться в губернской Вологде, а не быть отправленными (или возвращенными) в захолустные населенные пункты обширной Вологодской губернии. По одному из таких свидетельств был оставлен в Вологде еще на один месяц А.М. Ремизов, которому первоначально было разрешено приехать туда из Усть-Сысольска только на один месяц для лечения. Впоследствии Ремизов вспоминал Богданова «с особенной благодарностью»:

> Необыкновенно чистый, весь в своей блестящей черной блузе, и эти чистейшие детские глаза. Я думал, глядя на него, вот — НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК, можно все поверить и все он здраво рассудит. …Но я держался, как пациент: все мои слова и движения сковывал его осторожный ласковый взгляд, мой мир «с разрывом пространства» и с ними и сам я, — «декадент», в его глазах я только «безнадежно свихнувшийся в Усть-Сысольске»[32].

---

[30] *Ремизов А.М.* Иверень. С. 448–449.
[31] *Новоселов В.* Вологодская ссылка А. Богданова. С. 15–16.
[32] *Ремизов А.М.* Иверень. С. 436.



А.М. Ремизов
Фото из открытых источников

Когда истек второй месяц отсрочки и полицмейстер стал настаивать на отъезде А.М. Ремизова в Усть-Сысольск, товарищи решили, что единственный способ оставить его в Вологде – объявить сумасшедшим. Заручившись справкой от докторов А.А. Малиновского и О.В. Аптекмана, просить за него к губернатору отправились П.Е. Щеголев и Б.В. Савинков. Решающим аргументом для губернатора стали «розовые лягушки», которых, якобы, видел Ремизов в «разрыве пространства». Единственным условием губернатора было, чтобы помимо полицейского надзора А.М. Ремизов все время был и под надзором товарищей.

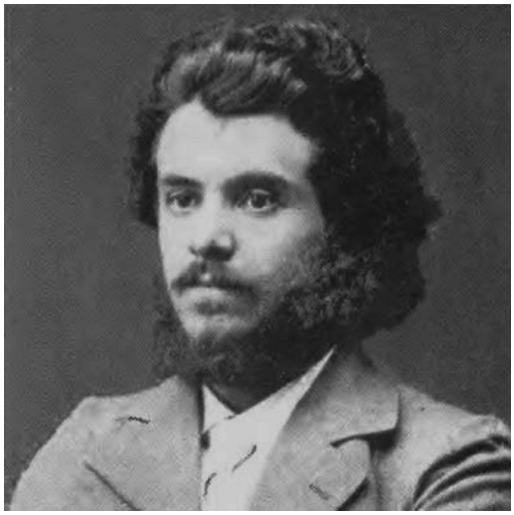
Своеобразно складывались в вологодский период отношения между А.А. Богдановым и Н.А. Бердяевым, который на склоне лет называл их «курьезными»:

> А. Богданов был очень хороший человек, очень искренний и беззаветно преданный идее, но по типу своему совершенно мне чуждый. В то время меня уже считали «идеалистом», проникнутым метафизическими исканиями. Для А. Богданова это было совершенно ненормальным явлением. По первоначальной своей специальности он был психиатр. Он вначале часто ходил ко мне. Я заметил, что он мне систематически задает непонятные вопросы, как я себя чувствую по утрам, каков сон, какова моя реакция на то или иное и т.п. Выяснилось, что склонность к идеализму и метафизике он считает признаком начинающегося психического расстройства, и он хотел определить, как далеко это у меня зашло…[33]

[33] *Бердяев Н.А.* Самопознание. С. 157.

В отместку Бердяев писал:

> У самого Богданова впоследствии было психическое расстройство, и он даже некоторое время сидел в психиатрической лечебнице[34]. Со мной же этого не произошло. Я не был психиатром, но сразу заметил, что у Богданова была какая-то маниакальность. Он был тихий и незлобивый помешанный, помешанный на идее[35].



Н.А. Бердяев
Фото из открытых источников

Представляется, что Н.А. Бердяев неправомерно приписывает А.А. Богданову столь странную трактовку «склонности к идеализму и метафизике». Скорее всего, дело в том, что А.А. Богданов, действительно, видел в Н.А. Бердяеве своего пациента, т.к. тот страдал нервными тиками и был неуравновешенным человеком. Бердяев сам писал о «нервных движениях хореического характера», присущих ему с детства, о припадках вспыльчивости, когда он «делался белым, как полотно»[36]. Эту трактовку отношения А.А. Богданова к Н.А. Бердяеву развивает в своей статье А.В. Луценко[37].

---

[34] На самом деле, в годы Первой мировой войны он лечился в клинике при медицинском факультете Московского университета, испытав сильнейшее нервное потрясение от той картины массового разрушения и истребления, которую увидел на фронте во время своей службы военным врачом.

[35] *Бердяев Н.А.* Самопознание. С. 157.

[36] *Бердяев Н.А.* Самопознание. С. 22, 30.

[37] *Луценко А.В.* Особенности мировосприятия А.А. Богданова и Н.А. Бердяева применительно к формированию научного мышления // Вестник ТГПУ. 2015. 11 (164). С. 138–147.

Общественная жизнь в вологодской колонии ссыльных

Многочисленная и разнородная по своим политическим и философским пристрастиям вологодская колония ссыльных, тем не менее, в целом отличалась «дружной взаимной поддержкой» и отсутствием «атмосферы сплетен и обывательщины», развивавшейся порой в ссылках. По крайней мере, именно такой запомнил ее А.В. Луначарский, который был уверен, что его воспоминания «о вологодской ссыльной компании окрашены, так сказать, в идиллический характер», не потому, что их характер исказился в его воспоминаниях, «а потому, что они действительно такими были»[38].

Основные споры шли, по терминологии Н. Бердяева, между «аристократией» и «демократией». К первой принадлежали он сам, А.М. Ремизов, П.Е. Щеголев, Б.В. Савинков, О. Маделунг. По мнению Н.А. Бердяева,

> «Аристократия» была более независима в своих суждениях от коллектива, более индивидуалистична и свободна в своей жизни, имела связи с местным обществом, главным образом земским, отчасти с театром[39].

«Демократию» возглавляли А.А. Богданов и А.В. Луначарский.

Ко времени вологодской ссылки А.А. Богданов был уже известным автором. Как писал впоследствии его тогдашний страстный поклонник, не терявший связи с ним на протяжении всей жизни, И.Е. Ермолаев[40],

> в Вологду А. Богданов приехал уже как писатель… О нем бежало слово, как об ученом и опытном революционере-организаторе и пропагандисте[41].

Действительно, к этому времени уже вышли «Основные элементы исторического взгляда на природу», «Краткий курс экономической науки» (двумя изданиями), были опубликованы статьи в журнале «Научное обозрение». О том, что влияние Богданова в среде ссыльных было «велико», вспоминал и А.В. Луначарский.

---

[38] *Луначарский А.В.* Из вологодских воспоминаний. С. 2.

[39] *Бердяев Н.А.* Самопознание. С. 157.

[40] Публикуя в 1923 г. его воспоминания, редакция журнала «Север» снабдила их примечанием, что она, «помещая эту статью, считает необходимым отметить, что она не вполне согласна с автором в оценке тех или иных событий и взглядов лиц, упоминающихся в печатаемых воспоминаниях, в частности в характеристике А.А. Богданова, и оставляет эти характеристики и оценки событий всецело на ответственности автора воспоминаний» (Север. 1923. Кн. 3-4. С. 1).

[41] *Ермолаев И.Е.* Мои воспоминания. С. 5.

Ссыльные жили, по словам А.В. Луначарского, «интенсивной общественной и умственной жизнью», в их среде читалось много докладов и рефератов[42]. А. Богданов, вспоминая о начале своей вологодской ссылки, писал:

> Я приехал туда в начале 1901 года и нашел там несколько десятков ссыльных, в числе их группу киевлян с Бердяевым как теоретиком во главе (В.Г. Крыжановская, П.Л. Тучапский, Б.Э. Шен, позже Н.К. Муралов и др.). Вскоре после всего этого выступил с философским докладом в духе критического позитивизма С.А. Суворов, работавший там в статистике. Бердяев ему оппонировал, я Суворова поддерживал. Затем я сделал ряд докладов об историческом материализме (большая часть была в журналах, а потом в сборнике «Из психологии общества»). Бердяев обычно оппонировал: он был тогда хороший оратор (лучше нас), но по научным знаниям стоял не высоко, а в философии хорошо знал лишь неокантианские школы (лучше нас), отнюдь не позитивные (попадал в неловкое положение по поводу Авенариуса, Маха)[43].

По воспоминаниям И.Е. Ермолаева,

> публики собиралось на эти доклады до 50–60 человек. Почти после каждого доклада бывали прения… Вопросы, в то время дебатировавшиеся, были более или менее академические и потому не вызывали страстного отношения <…> К тому же мне кажется, что большинство трактовавшихся тем было трудно для понимания даже той более или менее квалифицированной публики, которая бывала на собраниях[44].

Эти собрания привлекли внимание полиции, причем сведения о них дошли до столицы. В октябре 1901 г. в Вологду пришло письмо с грифом «Совершенно секретно», в котором указывалось:

> В департаменте полиции получены указания, что в Вологде существует будто бы целая колония неблагонадежных лиц… На собраниях этих неблагонадежных лиц весьма часто читаются А. Богдановым (Малиновским),

[42] См. об этом, в частности: *Дюжев Ю.* «Эти характерно русские искания...»: («Битва идей» в литературе европейского Севера первой половины XX века) // Север. 1998. № 3. С. 148–160.

[43] Ответ А.А. Богданова (Малиновского) на запрос Института Ленина при ЦК ВКП(б) о вологодской ссылке // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 32–33.

[44] *Ермолаев И.Е.* Мои воспоминания. С. 5.

Бердяевым и др. рефераты, возбуждающие интересные прения со стороны представителей разных революционных направлений[45].

Ответ начальника Вологодского губернского жандармского управления производит странное впечатление:

> ... гласно поднадзорные составляют из себя совершенно отдельные кружки из нескольких человек каждый, не вращаются в вологодском обществе, а проводят время только в своих кружках, и не замечено, чтобы они вместе где собирались для каких-либо чтений и прений по политическим делам. По собранным негласным путем сведениям гласно поднадзорные врач Малиновский и бывший студент Бердяев нередко посещают каждый своих знакомых..., где по имеющимся агентурным сведениям они проводят время (в числе трех или четырех человек, не больше), за чтением разных журналов и в разговорах. Относительно А. Богданова, то в Вологде такого нет, а есть Анна Богданова, ... которая знакомства с поднадзорными лицами не ведет...[46].

Трудно представить, чтобы местные жандармы были так плохо осведомлены о жизни своих поднадзорных, даже если предположить, что поставщик «агентурных сведений» был малокомпетентен или сознательно «втирал очки» начальству. Скорее всего, это была классическая отписка, преуменьшавшая размеры деятельности ссыльных и позволявшая, не предпринимая значительных усилий, спустить дело на тормозах.

В результате дискуссий сторонники Н.А. Бердяева постепенно оказались в меньшинстве, так что

> понемногу даже киевляне стали колебаться в отношениях к нему. Среди остальной же колонии перевес уже в 1902 году был определенно на стороне «реалистов», за Бердяева были только некоторые народоправцы (Вера Дениш, Неклепаев) да беллетрист А.М. Ремизов[47].

Этот «перевес» образовался во многом благодаря приезду А.В. Луначарского, который «стал сразу же резко полемически выступать против Бердяева, которого уже тогда превосходил как оратор» [48]. Сам А.В. Луначарский вспоминал, что по приезде в Вологду застал такую картину:

---

[45] Предписание начальнику Вологодского ГЖУ // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1898. Д. 9. Ч. 47. Л. 1–2.

[46] Предписание начальнику Вологодского ГЖУ // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1898. Д. 9. Ч. 47. Л. 3–4.

[47] Ответ А.А. Богданова (Малиновского) на запрос Института Ленина. С. 33.

[48] Ответ А.А. Богданова (Малиновского) на запрос Института Ленина. С. 33.

На первом плане блистал Николай Ал. Бердяев, только еще начавший переходить от идеалистически окрашенного марксизма, к сумеркам мистики, из которых нырнул прямо в ночь философского интерпретированного православия. Эту эволюцию Бердяева, конечно, замечали, но изящество его речи и широкая культурность подкупали ссыльных и крутившуюся вокруг них молодежь. Мне пришлось с первых же рефератов выступить со всей резкостью именно против Бердяева. Сколько могу помнить, успех мой был очень велик и влияние Бердяева в нашей среде чрезвычайно ослабло. Сам Бердяев, несмотря на все мои приглашения приходить на мои рефераты и возражать мне, — туда не являлся[49].

В результате

к концу 1903 г. влияние Бердяева в колонии свелось на нет, а отношение к нему со стороны социал-демократов было вообще ироническое. Он перестал выступать и до срока ссылки, воспользовавшись своими связями, уехал. Философские интересы в это время уже стали тускнеть, завязалась политическая полемика в колонии с эсерами; там выступала группа Савинкова (с ним были Щеголев, Будрин, Мациевский и др.)[50].

Впрочем, по словам А.В. Луначарского,

междупартийная борьба … не давала себя чувствовать слишком остро. Эсеры и с. д. жили в добрых отношениях друг с другом и, если спорили, то чисто идейно[51].

Досуг вологодских ссыльных

Не стоит думать, что ссыльные проводили все свое свободное время только за чтением умных книг и философскими диспутами. Одним из развлечений были любительские театральные постановки. Основным инициатором их был большой поклонник театра А.В. Луначарский, который, по воспоминаниям И.Е. Ермолаева, даже сочинил специально для этой цели пьесу «Демон и Тамара»[52]. Были и более серьезные представления, так сказать, на злобу дня. В одном из них принимали участие и супруги Богдановы. В семейном альбоме сохранились фотографии Александра Александровича, сидящего около стола и с озабоченным лицом прячущего что-то то ли под стол, то ли себе в ботинок (фотография обрезана, поэтому видно только, что он наклонился), и Натальи

[49] *Луначарский А.В.* Из вологодских воспоминаний. С. 1.
[50] Ответ А.А. Богданова (Малиновского) на запрос Института Ленина. С. 33.
[51] *Луначарский А.В.* Из вологодских воспоминаний. С. 2.
[52] См. об этом: *Новоселов В.* Марсиане из-под Вологды. С. 25.

Богдановны, стоящей у двери, поворачивающей ключ в замке и, с одной стороны, прислушивающейся к тому, что происходит на лестнице, с другой – следящей, все ли успел спрятать ее муж. На обороте последней фотографии надпись: «Из фотографии инсценировки «Ждут обыска»»[53].

А.А. Богданов Из фотографии инсценировки «Ждут обыска», 1900–1902
Источник: Из личного архива А.А. Малиновского, правнука А.А. Богданова

Н.Б. Малиновская (Корсак). Из фотографии инсценировки «Ждут обыска», 1900–1902
Источник: Из личного архива А.А. Малиновского, правнука А.А. Богданова

[53] Личный архив А.А. Малиновского (правнука А.А. Богданова).

Оканчивавшие срок ссылки и уезжавшие из Вологды устраивали прощальный вечер, проходивший, как правило, у В.А. Жданова. К этому дню А.М. Ремизов писал специальное «подорожие, напутствие, некролог», а П.Е. Щеголев, считавшийся «большим искусником «выразительного чтения»», зачитывал его, «отчетливо выговаривая все буквы по-писаному»[54]. Некрологи эти А.М. Ремизов «писал на листе в виде свитка с закорючками и завитками». В «Иверени» Ремизов вспоминал: «за годы мало чего сохранилось, «покойники» теряли «некрологи», … но у меня кое-что сохранилось[55].

Научная работа А.А. Богданова в вологодской ссылке

Ко времени окончания ссылки известность А.А. Богданова как литератора упрочилась. В ходе опроса, проведенного в 1903 г. журналом «Мир Божий» среди учащихся средних учебных заведений, он был назван в числе самых читаемых авторов по гуманитарным наукам. Этому в немалой степени способствовали его статьи в журналах «Жизнь», «Вопросы философии и психологии», «Образование».

Его статьи «Обмен и техника» и «Общество правовое и общество трудовое» (под псевдонимом Н. Корсак) были опубликованы в сборнике «Очерки реалистического мировоззрения»[56], который был составлен в основе своей вологодскими ссыльными в противовес сборнику «Проблемы идеализма»[57].

Этот перечень впечатляет, но не удивляет, если принять во внимание то, сколько времени уделял А.А. Богданов своей научной и писательской деятельности. Тесно общавшийся с ним И.Е. Ермолаев вспоминал:

> Он вел правильный образ жизни, посвящая не менее 8 часов своей писательской работе. Ни табаку, ни алкоголя А.А. не употреблял. Кроме 8 часов писательской работы он не меньше этого времени употреблял на

[54] Об этой литературной игре, а также о литературных опытах группировавшихся вокруг А.М. Ремизова вологодских ссыльных см.: *Розанов Ю.В.* Литературная жизнь вологодской политической ссылки начала XX века // Вологда: историко-краеведческий альманах / под редакцией М.А. Безнина. Вып. 1. Вологда: Русь, 1994. С. 215–225.

[55] *Ремизов А.М.* Иверень. С. 484.

[56] Очерки реалистического мировоззрения: Сб. ст. по философии, общественной науке и жизни. Москва: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1904. В сборник вошли статьи С. Суворова, А. Луначарского, В. Базарова, А. Богданова, П. Румянцева, П. Маслова, В. Шулятикова, Б. Фриче и др.

[57] Проблемы идеализма: сб. статей С.Н. Булгакова и др. / под редакцией П.И. Новгородцева. Москва: Московское психологическое общество, 1902. См. также: *Семенова А.Л.* Философская публицистика начала 1900-х годов // Вестник СПбГУ. Серия: Язык и литература. 2008. № 2–II. С. 332–339.

чтение, читая с громадной быстротой. Он мне признавался, что может иногда читать научные книги с быстротой до 100 страниц в час[58].

Характерно, что именно такой образ жизни казался А.А. Богданову совершенно нормальным, и он вместе с А.В. Луначарским удивлялся вологжанам, которые «так мало работают, …как будто собрались жить не 60 лет, а 300»[59].

Неудивительно, что, по словам И.Е. Ермолаева, А.А. Богданов был первым в его жизни человеком,

> который нигде не находясь на службе, так упорно и систематически работал. …Я полагаю, что лозунг его был и есть – все для работы, т.е. строить свою жизнь так, чтобы получался максимум работы, есть и пить то, что способствует успешности работы, любить или не любить в зависимости от того, повлияет ли это продуктивно на работу и т.д. [60]

Невольно на ум приходит описание марсианского инженера Мэнни из романа А. Богданова «Красная звезда»:

> Оказалось, что для гигантской умственной работы Мэнни, для полноты развития его гениальных способностей было нужно как можно больше физической сдержанности, как можно меньше любовных ласк. Энно (его жена. – *А. М.*) не могла не последовать этому совету и быстро убедилась, насколько он был справедлив и разумен. Мэнни оживился, стал работать энергичнее, чем когда-либо, новые планы с необыкновенной быстротой зарождались в его голове и выполнялись особенно успешно, и, по-видимому, он нисколько не чувствовал лишения[61].

Свои ли ощущения описывал А.А. Богданов или лишь размышлял в этом направлении – сказать трудно.

Что же касается сосредоточенности А.А. Богданова на работе, его жена вспоминала, что он был

> чрезвычайно постоянен и схематичен. Любил все систематизировать… Очень углублялся в свою работу, и заставить его слушать или услышать себя, привлечь его внимание иногда было возможно только при помощи внешнего воздействия. И было это очень непрочно, он опять сейчас же уходил в свои

[58] *Ермолаев И.Е.* Мои воспоминания. С. 5–6.
[59] *Ермолаев И.Е.* Мои воспоминания. С. 13.
[60] *Ермолаев И.Е.* Мои воспоминания. С. 5.
[61] *Богданов А.А.* Красная звезда. С. 173.

мысли или дело. Он так глубоко сосредоточивался на работе, что перерыв, нарушение хода мыслей ощущал как физическую боль[62].

А.А. Богданов с женой Н.Б. Малиновской (ур. Корсак) в вологодской ссылке
Источник: Из личного архива А.А. Малиновского, правнука А.А. Богданова

Переписка с редакцией «Искры»

Находясь в ссылке, А.А. Богданов не ограничивался сотрудничеством с легальной печатью. По свидетельству С.Г. Струмилина, уезжая из Вологды в июне 1902 г. до окончания срока ссылки (это был побег с переходом на нелегальное положение), он «захватил с собой для подпольной печати нелегальную брошюру Малиновского», изданную впоследствии за границей под псевдонимом Рядовой и названную «Солдатская памятка»[63].

Силами образовавшейся в начале 1902 г. литературной группы, в которую вошли А.А. Богданов, С.А. Суворов, П.П. Румянцев, В.А. Жданов, О.Х. Ауссем, О.А. Квиткин, В.Г. Крыжановская, В.А. Русанов, а весной–летом этого года – А.В. Луначарский, П.Л. Тучапский и И.А. Саммер, на гектографе был выпущен «Коммунистический манифест» с предисловиями К. Маркса и Ф. Энгельса к

[62] Биографический очерк об А.А. Богданове, написанный Н.Б. Малиновской // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 259. Оп. 1. Д. 100. Л. 4, 5.

[63] *Струмилин С.Г.* Из пережитого. С. 145.

русскому изданию 1882 г. и немецкому изданию 1872 г., а также работа Г.В. Плеханова «Несколько слов от переводчика»[64].

Кроме того, от имени группы ссыльных социал-демократов А.А. Богданов вел переписку с редакцией социал-демократической «Искры». Первое его письмо не сохранилось, но по ответу Н.К. Крупской от 2 октября (19 сентября) 1901 г. видно, что в нем ссыльные спрашивали, чем они могли помочь газете[65]. На исходе зимы 1901–1902 гг. в Вологду нелегально приезжала Л.О. Канцель (урожд. Цедербаум; сестра Ю.О. Мартова), которая встретилась там с Б.В. Савинковым (в то время она была невестой его старшего брата Александра, тоже социал-демократа) и А.А. Богдановым. По итогам переговоров с ними 9 марта (25 февраля) 1902 г. Канцель писала редакции «Искры», что с ней

> будут переписываться из Вол[огды], будут подписываться Х. …напишут о предложении поставлять брошюры. …их взгляды (по крайней мере проводимые ими в писаниях) будут вполне совпадать со взглядами «Искры», так что им можно доверять[66].

О том, что речь в ее письме идет именно о группе А.А. Богданова, свидетельствует обращение к нему в № 18 «Искры» от 10 марта: «Другу Тани на Севере. Повторите адрес для писем и пишите аккуратно»[67]. Таней в искровской переписке называли Л.О. Канцель.

Таким образом, следующее письмо А.А. Богданова в редакцию «Искры» было ожидаемым. 7 (20 марта) 1902 г. он писал В.И. Ленину:

> Имеется группа лиц, способных и готовых Вам литературно содействовать. Лучшей формой этого содействия будет издание ряда брошюр, предназначенных для широких слоев городского населения. Если Вы дадите возможность печатать, то группа может ручаться: 1) за правильную периодическую доставку литературного материала и 2) за удовлетворительность его в смысле литературном и программном (программа «Искры»). <…> Редакцию желательно сосредоточить на месте <…> группа предлагает … принимать рукописи без всяких изменений в тексте или отвергать их[68].

---

[64] См.: *Дьяконицын Л.Ф.* Ленинская «Искра» и вологодская политическая ссылка // Труды Московского государственного историко-архивного института. Москва: Россельхозиздат, 1961. Т. 16. С. 224.

[65] Переписка В.И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическим и организациями в России. Т. 1. Москва: Мысль, 1969. С. 255

[66] Переписка В.И. Ленина и редакции газеты «Искра». Т. 1. С. 441.

[67] Переписка В.И. Ленина и редакции газеты «Искра». Т. 1. С. 453.

[68] Ленинцы в вологодской ссылке. С. 30–31.

Последние предложения выдвигались в качестве условия для сотрудничества.

В ответном письме В.И. Ленин «очень просил» «не настаивать на условии принимать или отвергать брошюры en bloc без всяких частичных изменений», мотивируя это тем, что первая же присланная статья «об организации (о технических задачах организации)» «по общему мнению редакции» (хотя «сама по себе интересная и ценная») в таком виде пойти не может, ибо есть совершенно неуместные и нетактичные вещи (вроде «единоличности» и «диктатуры одного члена комитета» и т.п.), есть и частные дефекты, требующие исправления». Далее В.И. Ленин, с одной стороны, подтверждал, что редакция «вообще согласна и на то, чтобы принимать или отвергать статьи целиком, без частных поправок», но поскольку при таком условии вынуждена была бы отвергнуть именно эту статью, что было бы «ко вреду для дела», вновь предлагает «хотя для примера» и «в виде опыта» предоставить редакции право сделать необходимые изменения[69].

Вологодские ссыльные устами А.А. Богданова продолжали настаивать:

> т.к. полученная Вами рукопись о технических задачах – результат практического опыта, то автор никак не может согласиться на изменения в тексте, тем более что то, что Вам кажется нетактичным, например вопрос о единоличном начале, кажется ему условием sine qua non стройной организации. Это, конечно, деталь, но разногласие по этому пункту очень характерно и позволяет бояться дальнейших разногласий...[70]

А вот дальше – самое интересное:

> …автор просит или напечатать всю рукопись целиком, без изменений, снабдив ее какими угодно примечаниями и комментариями редакции, или, если это невозможно, отдать ее товарищам социалистам-революционерам…, оговорив то же условие о неизменяемости текста и о праве редакции делать всякие комментарии, примечания и т.д. Дело в том, что, с точки зрения автора, именно в интересе дела следует напечатать всю статью без изменений, ибо в ней содержится еще совсем не затронутая в литературе новая организационная тактика[71].

Статья эта в «Искре» так и не появилась, хотя вопрос об ее напечатании неоднократно всплывал в дальнейшей переписке. Но самое интересное не это, а то, что автором ее был … Б.В. Савинков, а Л. Мартов писал о ней:

---

[69] *Ленин В.И.* Письмо А. Богданову. Март 1902 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 46: Письма 1893–1904. Москва: Госполитиздат, 1964. С. 175.

[70] Ленинцы в вологодской ссылке. С. 32.

[71] Переписка В.И. Ленина и редакции газеты «Искра». Т. 1. С. 485–486.

> Ленинские организационные идеи как ответ на трудный вопрос организации массового движения из законспирированного подполья настолько носились в воздухе, что одновременно с Лениным, почти в тех же выражениях и с еще большими крайностями, их формулировал находившийся в ссылке в Вологде Б.В. Савинков, приславший в редакцию «Искры» обширную статью о характере партийной работы в формах партийной организации[72].

Переписка продолжалась в течение всего 1902 г. и касалась, в основном, обмена адресами и обсуждения деталей пересылки в Вологду нелегальной литературы, прежде всего, самой «Искры». Информация о положении ссыльных в Вологде, появлявшаяся в газете[73], свидетельствовала о том, что в газету продолжали поступать корреспонденции из этого города.

Заключение

Срок ссылки Богданова закончился 31 декабря 1903 г., и в январе 1904 г. он уехал в Тулу (несмотря на освобождение от надзора полиции, ему было запрещено проживание в столицах и столичных губерниях еще на пять лет), а затем – за границу. К моменту появления А.А. Богданова в центре социал-демократической эмиграции – Женеве – в начале 1904 г. он уже имел репутацию убежденного марксиста и талантливого литератора. По свидетельству Н.В. Валентинова, к этому времени Богданов

> был очень известен в социал-демократической среде, имел обширные литературные связи в Петербурге и в Москве…[74]

Неудивительно, что, по свидетельству П.Н. Лепешинского, «меньшевики переполошились», когда

> очень крупный работник с такой солидной теоретической выучкой и с таким литературным талантом, как А.А. Богданов, встал на сторону большевиков[75].

Время, проведенное в вологодской ссылке, не прошло даром для А.А. Богданова и оказало большое влияние на его формирование как ученого-исследователя и политического деятеля.

---

[72] *Мартов Л.* История российской социал-демократии. Ч. 1. 3-е изд. Петроград; Москва: Книга, 1923. С. 67–68.

[73] См., например: Искра. 1903. 1 апреля.

[74] *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. New York: Chalidze Publications, 1981. С. 322.

[75] *Лепешинский П.Н.* На повороте (От конца 80-х годов к 1905 г.). Попутные впечатления участника революционной борьбы. Петроград: Госиздат, 1922. С. 205–206.

Introduction

Alexander A. Malinovsky, who went down in history under the pseudonym Bogdanov, was a very versatile person: a philosopher, an original thinker, the creator of tektology (a universal organizational science), a physician, a science fiction writer, a politician, and a leader of Bolshevism. His life path as a revolutionary at the turn of the 19th – 20th centuries fell within the pattern that was common for many people at that time: expulsion from university for participating in student unrests (riots, in police terminology), exile from Moscow under police surveillance, leadership of workers' circles and involvement in preliminary investigation in a political case, exile under overt / covert police surveillance[1] in a more or less distant province... In the memoirs of many participants in the revolutionary movement, there are references to the fact that living in exile played a large role in shaping their worldview and contributed to their political self-determination.

More or less detailed information on the 1901–03 A. Bogdanov's exile in Vologda can be found in the memoirs of a variety of people who met him at that time,[2] in documentary publications,[3] and in a number of research and journalistic

[1] On the role of administrative exile at the turn of the 19th – 20th centuries, see, in particular, D.A. Kalinina, "The phenomenon of political exile as viewed by Russian scientists and politicians" [in Russian], *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, no. 3 (1) (2011): 42–47; A.V. Zemlyakov, "Administrative exile in the Russian Empire in the late 19th – early 20th century" [in Russian], *Omskii nauchnyi vestnik*, no. 2 (23) (2003): 17–20; E.G. Ponomarev, Yu.L. Dudchenko, and V.L. Rasskazov. "Extrajudicial repression as a measure of struggle for the protection of the state system in Russia in the second half of the 19th – early 20th century" [in Russian], *Filosofiya prava*, no. 5 (66) (2014): 62–67.

[2] V. Zaikevich, "Commune" [in Russian], *Severnaya zvezda*, no. 4 (1922): 79–81; A.V. Lunacharskii, "From Vologda memoirs" [in Russian], *Sever*, no. 2 (1923): 1–5; E.I. Ermolaev, "My memoirs" [in Russian], *Sever*, bk. 3–4 (1923): 1–28; N.A. Berdyaev, *Self-knowledge* [in Russian] (Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2016); S.G. Strumilin, *From the experience. 1897–1917* [in Russian] (Moscow: Politizdat, 1957); Z.G. Frenkel, *Notes and memories of the traversed life path* [in Russian], publ., comp., commentary, introductory article R.B. Samofal (St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2009); A.M. Remizov "Iveren" [in Russian], in A.M Remizov, *Collected works,* vol. 8 (Moscow: Russkaya kniga, 2000–2003), 261–512.

[3] V.A. Dmitrieva, et al., eds., *Marxists-Leninists in Vologda exile (From the history of Vologda political exile. 1893–1914): a collection of reports and materials* [in Russian] (Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe kniznnoe izdatel'stvo, 1977).

works.[4] Alexander Bogdanov himself gave information about his life in Vologda in reply to an inquiry of Lenin Institute under the Central Committee of the VKP(b).[5]

The purpose of this article is to collect together separate pieces of information about A. Bogdanov's exile in Vologda and retrace the conditions under which his formation as a politician and a thinker was taking place in those years.

Alexander Bogdanov. 1902
Source: From the personal archive of A. Malinovsky, Alexander Bogdanov's great-grandson.

On February 25, 1901, Alexander Bogdanov was notified of his exile to Vologda Governorate under overt police surveillance for three years, the term of exile beginning on December 31, 1900. Initially, the place of exile was the city of Yarensk

[4] V. Novoselov, "To reveal the meaning of the future" [in Russian], *Russkii Sever*, February 9, 1991, 3; V. Novoselov, "New facts about Alexander Bogdanov's Vologda exile" [in Russian], *Transactions of the Commission on Alexander Bogdanov's Scientific Heritage*, ed. K. Figurovskaya and G.D. Gloveli (Moscow: Institut ekonomiki, 1992), 179–86; V. Novoselov, *Martians from near Vologda. Historical and literary essay about Alexander Alexandrovich Bogdanov (Malinovsky)* [in Russian] (Vologda: Ardvisura, 1994); V. Novoselov, "Alexander Bogdanov's Vologda exile", *Vestnik mezhdunarodnogo instituta Aleksandra Bogdanova*, no. 3 (2004): 10–19; A.F. Yakovleva, "Alexander Bogdanov (Malinovsky): the context of the formation of socio-philosophical ideas (late 19th – early 20th century)" [in Russian], *Filosofskaya mysl'*, no. 12 (2015): 1–23, accessed February 26, 2021, https://e-notabene.ru/fr/article_17581.htm; K.V. Bezchasnyi, "Alexander Bogdanov's conceptual ideas on the theory of self-organization of systems in the clinic of neuropsychic diseases" [in Russian], *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*, vol. 11, no. 3 (56) (2019), accessed February 26, 2021, http://mprj.ru/archiv_global/2019_3_56/nomer09.php; J.D. White, *Red Hamlet: the life and ideas of Alexander Bogdanov* (Leiden; Boston: Brill, 2018), 56–87.

[5] N.S. Antonova and N.V. Drozdova, comps., *Unknown Bogdanov*, bk. 1, *A.A. Bogdanov (Malinovsky). Articles, reports, letters and memoirs. 1901–1928* [in Russian] (Moscow: AIRO-XX, 1995), 32–33.

(Arkhangelsk Governorate), but due to the pregnancy of his wife, he was allowed to stay in Vologda.

Vologda as a place of exile at the beginning of the 20th century

At the beginning of the 20th century, Vologda remained one of the traditional places of political exile. Due to its relative proximity to St Petersburg and Moscow and the availability of communication routes, Vologda Governorate was figuratively called Siberia near the capital. The report of the head of the Vologda Governorate Gendarme Administration dated September 1901 said that

> 55 politically unreliable people reside in the city of Vologda, of whom 29 are overt public police surveillance and 26 are under covert surveillance.[6]

According to the information of the Provincial Gendarme Administration, in Vologda alone, 60 people resided lived under overt police surveillance at the beginning of 1903.[7] Even more exiles were scattered across uyezd towns and out-of-the-way towns of the vast Vologda Governorate.

In the early years of the 20th century, the Vologda exile colony abounded in names that later became famous and widely known; the list they comprised makes it possible to understand why the quiet northern city was called Northern Athens: Alexander Bogdanov, Anatoly Lunacharsky, Aleksey Remizov, Nikolai Berdyaev, Bogdan Kistiakowsky, Pavel Shchegolev, Boris Savinkov with his wife Vera Uspenskaya, and many other future prominent figures of the Bolshevik Party.

The attitude of the local authorities towards the exiles was generally quite liberal, which was facilitated by the loyal position of the governors, L. Knyazev and A. Lodyzhensky who replaced him in 1902.[8] Thanks to that, the exiles had a chance to leave their designated place of residence for while (with the permission of their supervisors). For instance, in July 1902 A. Bogdanov took part in the expedition of V. Rusanov in the Zyryansk land, and in the autumn of the same year he visited his comrade in revolutionary and literary work Vladimir Rudnev (pseud. Bazarov), who was serving his exile in Yenisei Governorate at that time. He was given a permission to leave Vologda for two months because of his weakened health condition. The

[6] "Donesenie nachal'nika Vologodskogo GZhU" [Report of the head of the Vologda Governorate Gendarme Administration]. F. 102, dp. OO. 1898, d. 9, ch. 47, l. 3. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF). Moscow, Russia.

[7] See Dmitrieva, et al., *Marxists-Leninists in Vologda exile*, 6.

[8] See F.Ya. Konovalov, "The effectiveness of administrative exile as a punitive measure in the early 20th century (based on the materials of Vologda Governorate)" [in Russian], in *Northern European Russia: tradition and modernization processes: proceedings of a scientific conference (Molochnoe, March 2–3, 2006)*, ed. M.A. Beznin, et al., pt. 1 (Vologda; Molochnoe: ITs VGMKhA, 2006), 130; N. Filatov, "Attorney at law" [in Russian], Zakoniya, accessed April 4, 2021, https://www.zakonia.ru/site/270922

medical report indicated that the exiled Bogdanov suffered from "chronic bronchitis of the upper lobe of the left lung with suspected tuberculosis, which is especially likely due to the existing hereditary predisposition" and needed to move to an area with a "healthy continental climate" for the autumn months.[9] Bogdanov chose Yenisei Governorate as a place with a "healthy continental climate" because the collection Essays on a realistic worldview was being prepared at that time and a meeting with Rudnev was necessary on order to discuss the articles.

Bogdanov left his place of exile twice more: from February 3 to March 7, 1903, he was in Moscow in connection with his wife's operation, and from June 17 to July 11, 1903, he visited the estate of his son-in-law, zemstvo chief V. Zavidovsky, in the village of Okunevy Gory (Livny Uyezd, Oryol Governorate) due to the need for a dry and healthy climate.[10]

A. Bogdanov in the village of Kuvshinovo

After staying for some time in the governorate city, Bogdanov moved to the village of Kuvshinovo located four kilometers from Vologda and from October 1, 1901, he served there at a psychiatric hospital, at first as an intern and then as a doctor. He was allowed to be hired there "exclusively at unrestricted hiring and subject to the strictest surveillance from the side" of the governor "for his activities in general."[11] In addition, according to Zakharii Frenkel, who was at that time the head of the medical and sanitary bureau of the Vologda provincial zemstvo, "due to the vacancy of the director's post" Bogdanov "actually performed his duties."[12]

One of the old buildings of the Kuvshinovo hospital
Photo from public sources

[9] "Zaklyuchenie" [Medical assessment]. F. 102, dp-3. 1894, d. 1570, l. 118. GARF.

[10] Ibid. L. 132, 135.

[11] "Zayavlenie vracha A.A. Malinovskogo" [Application form of Doctor A.A. Malinovsky]. F. 102, dp-3. 1894, d. 1570, l. 116. GARF.

[12] Frenkel, *Notes and memories*, 188.

According to the memoirs of paramedic Konstantin Ukhanov, it was a picturesque place:

> The river with high banks in this place, large pine groves and abundance of other vegetation created an impression of a nice holiday place, surrounded by vast green fields and animated by bird songs in the summer and by ringing nightingale trills in the spring.[13]

A description of this hospital was later used by A. Bogdanov in his novel *Red Star*, and his own features can be discerned in Dr. Werner, one of the heroes of the novel: the hospital

> was very poorly arranged and always terribly overcrowded, with an unusually dexterous steward and insufficient, overworked medical staff. Dr. Werner waged a persistent war against a very liberal zemstvo council because of the steward, the extra barracks they were very reluctant to build, the church they wanted to complete at all costs,[14] the salaries of employees, etc. Patients safely passed to the ultimate dementia instead of recovery and also died of tuberculosis due to epy lack of air and nutrition. Werner himself, of course, would have quitted long ago if very special circumstances connected with his revolutionary past had not forced him to stay.[15]

The description of the life of worker Vladimir (who looked after the protagonist in the clinic of Dr. Werner after the protagonist had returned from Mars with a disturbed mental health) refers to the facts from the biography of paramedic Ivan Ermolaev, who worked at the Kuvshinovo hospital together with A. Bogdanov:[16]

> . . . he was a private of the revolution, but a tried and tested soldier already. During a certain famous pogrom, when many of his comrades were killed by bullets and in the flames of a fire, he fought his way through the crowd of pogromists by shooting several people and, by a lucky chance, without a single injury.[17]

---

[13] K.F. Ukhanov, "Distant years. Notes of a paramedic. To the history of the Vologda mental hospital in the village of Kuvshinovo" [in Russian], Official website of the Vologda Oblast psychiatric hospital, accessed February 27, 2021, https://www.xn--90ab0be.xn--p1ai/sites/default/files/dalyokiegody.pdf. See also G.V. Shlenskaya, "Vologda Oblast Psychiatric Hospital is 120 years old" [in Russian], *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya*, vol. 22, no. 4 (2012): 101.

[14] The church in Kuvshinovo was actually under construction during Alexander Bogdanov's stay there (see Novoselov, *Martians from near Vologda*, 12–13).

[15] A.A. Bogdanov, "Red star" [in Russian], in A.A. Bogdanov. *Issues of socialism. Works of different years*, ed. L.I. Abalkin, et al. (Moscow: Politizdat, 1990), 195.

[16] See Novoselov, *Martians from near Vologda*, 13.

[17] Bogdanov, "Red star," 198.

In his memoirs, Ivan Ermolaev described the actual events underlying the above episode. On May 1, 1906, together with the workers who were members of the militia, he participated in the dispersal of the crowd led by the Black Hundreds who set fire to the Vologda People's House:

> I went to meet the crowd, firing my Browning, aiming carefully, hiding from stones and revolver bullets behind telegraph and telephone poles. The crowd withdrew in front of me, not coming closer than 60–100 steps.[18]

Ivan Ermolaev
Source: From the personal archive of A. Malinovsky, Alexander Bogdanov's great-grandson.

Alexander Bogdanov lived in Kuvshinovo for a year and a half. Ivan Ermolaev, who had close relations with him and got a job as a paramedic at the Kuvshinovo hospital in order to "develop the correct outlook" under the leadership of A. Bogdanov, described him in his memoirs as follows:

> Medium height, broad-shouldered, with fair hair and a light brown beard and mustache. Quite strong physically, simple and undemanding in lifestyle and clothing. His physiognomy, by his own definition, is of an ordinary average Russian man, a salesman, but a huge protruding forehead giving his face a stern expression and firm outlines of his chin speak of stubborn will, perseverance, and intelligence. The eyes are gray; seriousness and fatigue is their usual expression. He was absent-minded and did not show practical adaptability though he seemed to think of himself as quite a good life practitioner.[19]

[18] Ermolaev, "My memoirs," 21.
[19] Ermolaev, "My memoirs," 5.

According to the memoirs of V. Zaikevich, who lived communally with paramedics Ivan Ermolaev and K. Gusev in Kuvshinovo at that time, Alexander Bogdanov amazed everyone with his efficiency:

> . . . in addition to writing several pages a day, reworking them, rewriting them again in a small, characteristically distinct handwriting, he will find time not only to read two or three newspapers but also to study a newly published book.[20]
> After studying a topic, Alexander Bogdanov
>
> read the summary; he paid serious attention to the comments made and shortcomings, if there were any, and sometimes reworked it again.[21]

In addition to medical work and diligent book studies, A. Bogdanov was engaged in astronomical observations using a telescope which he mounted on the veranda with his own hand, and also delivered lectures in astronomy to his comrades.[22]

In February 1902, Anatoly Lunacharsky, an acquaintance of A. Bogdanov from Kaluga exile, came to Vologda and soon also settled in Kuvshinovo.[23]

Anatoly Lunacharsky
Source: F. 1742, op. 1, d. 21189. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF). Moscow, Russia.

[20] Zaikevich, "Commune," 79.
[21] Zaikevich, "Commune," 79.
[22] See Zaikevich, "Commune," 80; Frenkel, *Notes and memories*, 188; Ermolaev, "My memoirs", 8.
[23] For more, see I.P. Kokhno, "Lunacharsky's Vologda exile" [in Russian], in *Literary heritage*, vol. 82, *A.V. Lunacharsky. Unpublished materials* (Moscow: Nauka, 1970), 603–19.

Anatoly Lunacharsky and Alexander Bogdanov lived in a small wooden house at the hospital. From time to time, they visited the governorate city. When Alexander Bogdanov's parents and sisters came to visit him, Anatoly Lunacharsky married Bogdanov's middle sister Anyuta, as her relatives called her, after a swift courtship despite the opposition of the older Malinovskys (the eldest sister Maria rejected him).[24]

Anna Malinovskaya (married name Lunacharskaya),
Alexander Bogdanov's sister
Source: From the personal archive of A. Malinovsky, Alexander Bogdanov's great-grandson.

At that time, there were only two doctors in the Kuvshinovo hospital and A. Bogdanov had to work a lot as a psychiatrist, which, of course, often led to overstrain. Coming from Anatoly Lunacharsky, a Kuvshinovo's noteworthy wit, it sounded as follows:

> Alexander Alexandrovich [Alexander Bogdanov – A. M.] told me today . . . about the mysterious incident that happened to him; A.A. enters a ward of the mentally ill patients that happened to be free of them at the moment and sees a huge black cat with fiery eyes on one of the beds; at first he was scared but then he quickly realized that it was a hallucination of one of the patients and on calming down, he proceeded farther.[25]

In the summer of 1902, a new head doctor was appointed to the Kuvshinovo hospital. It was Osip Aptekman, a well-known member of the Zemlya i Volya [Land

[24] See White, *Red Hamlet*, 58.
[25] Ermolaev, "My memoirs," 10.

and Liberty], one of the founders of the Chornyi Peredel [Black Repartition], and a social democrat by that time. According to I. Ermolaev, at the hospital, he established

> an impossible regime for doctors, paramedics and workers. All senior doctors at psychiatric hospitals seem to suffer from megalomania, but in Aptekman it was enhanced even greater.[26]

When the paramedics told A. Bogdanov about the "impossibly insulting attitude" of the new head doctor, "he did everything possible to protect" [27] them. Perhaps, it is because of this conflict that Alexander Bogdanov resigned from the Kuvshinovo hospital.

As a formal reason, an "increasing nervous exhaustion"[28] was indicated in Alexander Bogdanov's letter of dismissal addressed to the Zemstvo Council in June 1902. Perhaps, this reason was not so formal because according to Konstantin Ukhanov,

> from force of habit or maybe due to some special character traits and a naturally strong nervous system, some employees adapt to the monotony of life among mentally ill people and live here for many years, sometimes until the end of their lives. But such people are an exception to the general rule. . .[29]

As for A. Bogdanov, in his conversation with Aleksey Remizov P. Shchegolev noted:

> treating mentally ill, you've noticed his eyes – fish splashing in those lakes! – and he is... a candidate for Kuvshinovo himself.[30]

However, taking into account the fact that A. Bogdanov, who was dismissed from office on July 1 and moved to Vologda, took part in the abovementioned expedition of V. Rusanov in July, it can be assumed that the reasons for the dismissal could be different. According to the Vologda researcher V. Novoselov, "in the fonds of the local Museum of Political Exile there is a description of some details of this trip. However, the role of the 'topographer' A.A Bogdanov in the first scientific expedition of V.A. Rusanov has yet to be clarified."[31]

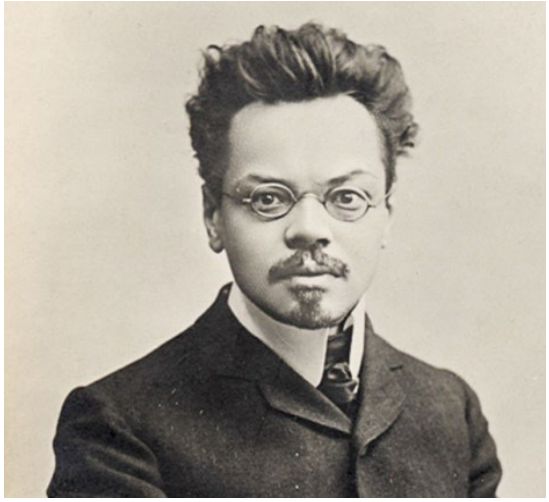
---

[26] Ermolaev, "My memoirs," 7.
[27] Ermolaev, "My memoirs," 7.
[28] Novoselov, "Alexander Bogdanov's Vologda exile," 15.
[29] Ukhanov, "Distant years," 42.
[30] Remizov, "Iveren," 448–49.
[31] Novoselov, "Alexander Bogdanov's Vologda exile," 15–16.

Private practice of Doctor A. Malinovsky

Be that as it may, but after A. Bogdanov left the hospital, he did not stop his medical activities. Upon receiving permission for private practice, he used it to visit his associates, and also helped the exiles by giving them medical examination certificates for the police, due to which they could stay in the governorate city of Vologda rather than be sent (or returned) to out-of-the-way towns of vast Vologda Governorate. Thanks to such a certificate, A. Remizov, who was initially permitted to come to Vologda from Ust-Sysolsk for one month for treatment, was allowed to stay in Vologda one more month longer. Subsequently, Remizov recalled Bogdanov "with special gratitude":

> Uncommonly pure, all in his shiny black blouse, and those clearest childish eyes. Looking at him, I thought, here is a REAL MAN, you can confide everything to him and he will judge everything soundly. . . . But I behaved as a patient: all my words and movements were constrained by his cautious soft glance, my world with "a gap in space" and with them I myself – a "decadent," in his eyes I was just a man who went "hopelessly crazy in Ust-Sysolsk."[32]



A. Remizov
Photo from public sources

When the second month of his stay in Vologda was coming to an end and the chief of police began to insist on Remizov's departure to Ust-Sysolsk, the comrades decided that the only way to keep him in Vologda was to declare him insane. P. Shchegolev and B. Savinkov obtained a certificate issued by the doctors A. Malinovsky and O. Aptekman and went to intercede with the governor for him. The pink frogs which Remizov allegedly saw in the "gap in space" became a decisive

[32] Remizov, "Iveren," 436.

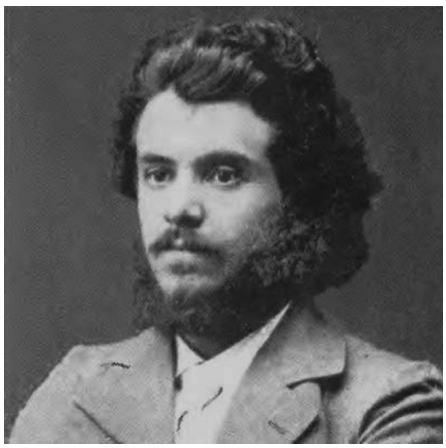
argument for the governor. The only condition the governor made was that in addition to police surveillance, A. Remizov was to be under the surveillance of his comrades.

The relations between A. Bogdanov and N. Berdyaev, who referred to them as "curious" in his declining years, developed in a peculiar way during the Vologda period:

> A. Bogdanov was a very good person, very sincere and selflessly devoted to the idea, but he was completely alien to me by his type. At that time I was already considered an "idealist" imbued with metaphysical quests. For A. Bogdanov, it was a completely abnormal phenomenon. By his original profession, he was a psychiatrist. He often came to see me at first. I noticed that he systematically asked me incomprehensible questions about how I felt in the morning, how well I slept, what my reaction to this or that was, etc. It turned out that he considered an inclination to idealism and metaphysics a sign of an incipient mental disorder and he wanted to determine how far it had gone in me. . .[33]

In revenge, Berdyaev wrote:

> Bogdanov himself subsequently had a mental disorder and he even spent some time in a psychiatric hospital.[34] That did not happen to me. I was not a psychiatrist, but I immediately noticed that Bogdanov had some kind of mania. He was a quiet and gentle madman, obsessed with the idea.[35]



N. Berdyaev
Photo from public sources

[33] Berdyaev, *Self-knowledge*, 157.

[34] In fact, during the First World War, he took treatment at the clinic of the Medical Faculty of Moscow University, having experienced a strong nervous shock from the picture of mass destruction and extermination he saw at the front during his service as a military doctor.

[35] Berdyaev, *Self-knowledge*, 157.

It seems that Berdyaev was wrong to attribute such a strange interpretation of the "inclination to idealism and metaphysics" to A. Bogdanov. Indeed, Bogdanov must have considered Berdyaev as a patient because the latter suffered from nervous tics and was an unbalanced person. Berdyaev himself wrote about "nervous movements of a choreic temperament" inherent in him from childhood and about fits of irascibility when he "became as white as sheet."[36] This interpretation of A. Bogdanov's attitude to Berdyaev was further developed in the article by A. Lutsenko.[37]

Public life in the Vologda exile colony

Numerous and homogeneous in its political and philosophical choices, the Vologda exile colony was generally distinguished by "friendly mutual support" and the absence of the "atmosphere of gossip and philistinism" which sometimes developed in exile. At least, this is how it was remembered by A. Lunacharsky, who was sure that his memories "of the Vologda exile company acquired, so to say, an idyllic character" not because their character was distorted in his memories, "but because it was really what they were."[38]

The main disputes were between the "aristocracy" and the "democracy," as N. Berdyaev termed them. The first group included himself, A. Remizov, P. Shchegolev, B. Savinkov, O. Madelung. According to Berdyaev,

> The "aristocracy" was more independent in judgment from the collective, more individualistic and free in its life; it had connections with the local society, mainly zemstvo, and partly with the theater.[39]

The "Democracy" was headed by A. Bogdanov and A. Lunacharsky.

By the time his Vologda exile started, Alexander Bogdanov had already been a well-known author. As I. Ermolaev, his passionate admirer who stayed in touch with him throughout his life, wrote later,[40]

---

[36] Berdyaev, *Self-knowledge*, 22, 30.

[37] A.V. Lutsenko, "Attitude features of A.A. Bogdanov and N.A. Berdyaev with reference to formation of scientific thinking" [in Russian], *Vestnik TGPU (TSPU Bulletin)*, no. 11 (164) (2015): 138–47.

[38] Lunacharskii, "From Vologda memoirs," 2.

[39] Berdyaev, *Self-knowledge*, 157.

[40] Publishing his memoirs in 1923, the editors of the *Sever* journal added a note saying the following: "When publishing this article, the editors consider it necessary to point out that they do not completely agree with the author's assessment of certain events and views of the persons mentioned in the memoir, in particular, in the description of Alexander Bogdanov, and leave the author of the memoir entirely responsible for these characteristics and assessments of events" (*Sever*, bk. 3–4 (1923): 1).

> A. Bogdanov came to Vologda already as a writer... He had a reputation of a scientist and an experienced revolutionary organizer and propagandist.[41]

Indeed, by this time *Basic Elements of a Historical View of Nature* and *A Short Course in Economic Science* (in two editions) had already been published, articles had been published in the Scientific Review journals. The fact that Bogdanov's influence among the exiles was "great" was also recalled by Anatoly Lunacharsky.

The exiles lived, according to Anatoly Lunacharsky, "an intensive social and mental life", in their environment many reports and essays were read.[42] A. Bogdanov, recalling the beginning of his Vologda exile, wrote:

> I arrived there at the beginning of 1901 and found several dozen exiles there, including a group of kievans with Berdyaev as a theoretician at the head (V.G. Kryzhanovskaya, P.L. Tuchapsky, B.E. Shen, later N.K. Muralov, etc.). Soon after all this, S.A. Suvorov who worked there in statistics delivered a philosophical presentation in the spirit of critical positivism. Berdyaev opposed him, I supported Suvorov. Then I made a number of reports on historical materialism (most of them were in the journals, and then in the collection From the Psychology of Society). Berdyaev usually acted as an opponent: he was a good orator back then (better than us), but his level of scientific knowledge was not high, and in philosophy he knew only neo-Kantian schools well (better than us) which were by no means positive (he got into an awkward position about Avenarius and Mach).[43]

According to I. Ermolaev's memoirs,

> these reports gathered up to 50–60 people. Almost every report was followed by a debate... The issues discussed at that time were more or less academic and therefore did not evoke passionate attitude . . . In addition, it seems to me that most of the topics discussed were difficult to understand even for that more or less qualified audience who attended the meetings.[44]

Those meetings attracted the attention of the police, and the information about them reached the capital. In October 1901, a letter with the Top Secret stamp arrived in Vologda. The letter stated:

---

[41] Ermolaev, "My memoirs," 5.

[42] See, in particular, Yu. Dyuzhev, "'This characteristic Russian striving...' ('Battle of ideas' in the literature of the European North in the first half of the 20th century)" [in Russian], *Sever*, no. 3 (1998): 148–60.

[43] "Alexander Bogdanov's (Malinovsky's) reply to the inquiry of Lenin Institute under the Central Committee of the VKP(b) about Vologda exile," in *Unknown Bogdanov*, bk. 1, 32–33.

[44] Ermolaev, "My memoirs," 5.

> The police department received information that a colony of unreliable persons allegedly exists in Vologda. . . . At the meetings of these unreliable persons, A. Bogdanov (Malinovsky), Berdyaev and others very often read essays stirring up interesting debate among representatives of different revolutionary trends.[45]

The answer of the head of the Vologda Governorate Gendarme Administration makes a strange impression:

> . . . those under overt surveillance constitute completely separate circles of several people each, they do not mingle in the Vologda society but spend time only in their circles, and it has not been noticed that they gather together anywhere for any readings and debates on political matters. According to the information collected by secret means, doctor Malinovsky and former student Berdyaev often visit their own acquaintances. . . , where, according to available intelligence information, they spend time (three or four people, no more) reading various journals and talking. Regarding A. Bogdanov, there is no such person in Vologda, but there is Anna Bogdanova, . . . who does not keep up an acquaintance with the persons under surveillance. . .[46]

It is hard to imagine that the local gendarmes were so poorly informed about the life of their charges even if we assume that the provider of "intelligence information" was incompetent or deliberately threw dust in his supervisors' eyes. Most likely, it was a classic formal reply, downplaying the scope of the exiles' activities in order to let the matter rest without making significant efforts.

As a result of discussions, the supporters of Berdyaev gradually ended up being in the minority, so that

> little by little, even the kievans began to doubt their attitude to him. Among the rest of the colony, the preponderance was definitely on the side of the "realist" already in 1902, and only some members of the Narodnoe Pravo [People's Rights Party] (Vera Denish, and Neklepaev) and the belletrist A.M. Remizov supported Berdyaev.[47]

This "preponderance" was formed largely due to the arrival of A. Lunacharsky, who "immediately started to sharply polemically speak against Berdyaev, whom he

[45] "Predpisanie nachal'niku Vologodskogo GZhU" [Order to the head of the Vologda Governorate Gendarme Administration]. F. 102, dp. OO. 1898, d. 9, ch. 47, ll. 1–2. GARF.

[46] "Predpisanie nachal'niku Vologodskogo GZhU" [Order to the head of the Vologda Governorate Gendarme Administration]. F. 102, dp. OO. 1898, d. 9, ch. 47, ll. 3–4. GARF.

[47] "Alexander Bogdanov's (Malinovsky's) reply to the inquiry of Lenin Institute," 33.

had already surpassed as an orator."[48] Lunacharsky himself recalled that upon arrival in Vologda, he saw the following picture:

> Nikolai A. Berdyaev shone at the forefront; he had just begun to pass from an idealistically tinged Marxism to the twilight of mysticism, from which he plunged straight into the night of philosophically interpreted Orthodoxy. This evolution of Berdyaev was noticed of course, but the elegance of his speech and high cultural level prepossessed the exiles and the young people who circled around them. From the very first essays, I had to speak out with all sharpness against Berdyaev. As far as I can remember, my success was great and Berdyaev's influence among us was extremely weakened. Despite all my invitations to come to my essays and act as an opponent, Berdyaev did not appear there.[49]

As a result,

> by the end of 1903, Berdyaev's influence in the colony had faded, and the attitude of the Social Democrats towards him was generally ironic. He stopped speaking and using his connections, he left before the term of exile ended. Philosophical interests at that time had already begun to fade, political polemics with the Socialist-Revolutionaries ensued in the colony; Savinkov's group acted there (Shchegolev, Budrin, Matsievsky and others were with him).[50]

However, according to Lunacharsky,

> the inter-party struggle. . . did not let itself to be felt too keen. Socialist-Revolutionaries and Social Democrats lived in good relations with each other and if they had any arguments, those were purely ideological.[51]

Leisure of the Vologda exiles

It would be wrong to think that the exiles spent all their free time reading clever books and engaging themselves in philosophical debates. Among other forms of entertainment were amateur theatrical performances. A. Lunacharsky, a great lover of the theater, was their main initiator. According to the memoirs of I. Ermolaev, Lunacharsky even wrote the play The Demon and Tamara especially for that purpose.[52] There were also more serious performances, so to say, on the topic of the day. The Bogdanov married couple also took part in one of them. The family album

[48] "Alexander Bogdanov's (Malinovsky's) reply to the inquiry of Lenin Institute," 33.
[49] Lunacharskii, "From Vologda memoirs," 1.
[50] "Alexander Bogdanov's (Malinovsky's) reply to the inquiry of Lenin Institut," 33.
[51] Lunacharskii, "From Vologda memoirs," 2.
[52] About it, see Novoselov, *Martians from near Vologda*, 25.

contains photographs of Alexander Bogdanov sitting at the table with an anxious face and hiding something either under the table or in his shoe (the photo is cropped, so the only thing that we can see is that he has bent over), and Natalya Malinovskaya standing at the door, turning the key in the lock, listening to what is happening on the stairs while checking if her husband if her husband had hidden everything. On the back of the latter photo there is an inscription "From a photograph of the production Waiting for the Search."[53]

Alexander Bogdanov. From a photograph of the production Waiting for the Search, 1900–1902
Source: From the personal archive of A.A. Malinovsky, Alexander Bogdanov's great-grandson.

Natalya Malinovskaya (née Korsak). From a photograph of the production Waiting for the Search, 1900–1902
Source: From the personal archive of A.A. Malinovsky, Alexander Bogdanov's great-grandson.

[53] Personal archive of A. Malinovsky (Alexander Bogdanov's great-grandson).

Those who were ending their term of exile and leaving Vologda arranged a farewell evening, which was usually held at V. Zhdanov's place. For those occasions, A. Remizov wrote a special "farewell letter, parting words, an obituary," and P. Shchegolev, who was considered "a great expert in "declamation," read it out, "clearly pronouncing all the letters as they were written."[54] Aleksey Remizov wrote those obituaries "on a sheet in the form of a scroll with flourishes and curls." In Iveren, Remizov recalled, "Very little has survived the years, the 'deceased' lost their 'obituaries,'. . . but I have kept something."[55]

Alexander Bogdanov's scientific work in Vologda exile

By the time his exile ended, Alexander Bogdanov's reputation as a writer had strengthened. According to the survey conducted in 1903 by the Mir Bozhii [The World of God] journal among students of secondary schools, he was named one of the most widely read authors in the humanities. This was largely facilitated by his articles in the journals Zhizn' [Life], Voprosy filosofii i psikhologii [Issues of Philosophy and Psychology], and Obrazovanie [Education].

His articles *Exchange and Technology* and *Legal Society and Labor Society* (under the pseudonym N. Korsak) were published in the collection Essays on a Realistic Worldview,[56] which was compiled basically by the Vologda exiles to oppose the collection Problems of Idealism.[57]

This list is impressive but not surprising if we take into consideration how much time A. Bogdanov put into his scientific and writing activities. I. Ermolaev, who was in close contact with him, recalled:

> He led a regular life, devoting at least 8 hours to his writing. A.A. used neither tobacco nor alcohol. In addition to 8 hours of writing, he spent no less than that for

[54] About this literary game and literary experiments of the Vologda exiles who grouped around Aleksey Remizov, see Yu.V. Rozanov, "Literary life of the Vologda political exile at the beginning of the 20th century" [in Russian], in Vologda. Local history miscellany, ed. M.A. Beznin, is. 1 (Vologda: Rus', 1994), 215–25.

[55] Remizov, "Iveren," 484.

[56] *Essays on a realistic worldview: Collected articles in philosophy, social science and life* [in Russian] (Moscow: S. Dorovatovsky and A. Charushnikov, 1904). The collection included the articles by S. Suvorov, A. Lunacharsky, V. Bazarov, A. Bogdanov, P. Rumyantsev, P. Maslov, V. Shulyatikov, B. Friche and others.

[57] P.I. Novgorodtsev, ed., *Problems of idealism: collected articles by S.N. Bulgakov and others* [in Russian] (Moscow: Moskovskoe psikhologicheskoe obshchestvo, 1902). See also A.L. Semenova, "Philosophical journalism of the early 1900s" [in Russian], *Vestnik SPbGU. Seriya Yazyk i literatura*, no. 2-II (2008): 332–39.

> reading and read with tremendous speed. He confessed to me that he can sometimes read scientific books at a speed of up to 100 pages an hour.[58]

It is characteristic that this way of life seemed completely normal to Alexander Bogdanov, and together with Lunacharsky, he was surprised by the residents of Vologda, who "worked so little. . . as if they were going to live not 60 but 300 years."[59]

It is not surprising that according to I. Ermolaev, A. Bogdanov was the first person in his life,

> who worked so hard and so systematically having no employment . . . I believe that his motto has been and still is – everything for work, i.e. to build his life so that he can get maximum work, to eat and drink what contributes to the success of work, to love or not to love depending on whether it will affect his work beneficially, etc.[60]

A description of the Martian engineer Menni from the novel *Red Star* by A. Bogdanov involuntarily comes to mind:

> It turned out that for his gigantic mental work, for the full development of his genius abilities, Menni needed as much physical restraint as possible, as little lovemaking as possible. Enno [his wife – A. M.] could not help but follow this advice and quickly became convinced of how fair and reasonable it was. Menni brightened, he began to work more energetically than ever, new plans were born in his head with extraordinary speed and were carried out especially successfully, and, apparently, he did not feel any deprivation at all.[61]

It is difficult to say whether A. Bogdanov described his own feelings or he was just thinking along these lines.

As for Bogdanov's concentration on work, his wife recalled that he was

> extremely persistent and schematic. He loved systematize everything. . . He went deep into his work, and sometimes only external influence could help to make him listen to or hear up anyone and attract his attention. And it was very fragile; he immediately went into his thoughts or his work again. He focused on his work so

[58] Ermolaev, "My memoirs," 5–6.
[59] Ermolaev, "My memoirs," 13.
[60] Ermolaev, "My memoirs," 5.
[61] Bogdanov, "Red star," 173.

deeply that any break or disturbance in his train of thought felt like physical pain for him.[62]

Alexander Bogdanov with his wife Natalya Malinovskaya (née Korsak) in exile in Vologda
Source: From the personal archive of A.A. Malinovsky, Alexander Bogdanov's great-grandson.

Correspondence with the editors of Iskra

While in exile, Alexander Bogdanov did not limit himself to cooperation with the legal press. According to S. Strumilin, who left Vologda in June 1902 before his term of exile ended (it was an escape with the transition to an illegal status), he "took with him an illegal brochure by Malinovsky to be printed in the underground." Later it was published abroad under the pseudonym Ryadovoi [a private] under the title "Soldatskaya pamyatka" [Soldier's Handbook].[63]

By the efforts of the literary group formed at the beginning of 1902, which included A. Bogdanov, S. Suvorov, P. Rumyantsev, V. Zhdanov, O. Aussem, O. Kvitkin, V. Kryzhanovskaya, V. Rusanov (A. Lunacharsky, P. Tuchapsky, and I Summer joined the group in the spring–summer of the same year), The Communist Manifesto was printed on a hectograph and published. It contained the preface to the

[62] "Biograficheskii ocherk ob A.A. Bogdanove, napisannyi N.B. Malinovskoi" [Biographical essay about A.A. Bogdanov written by N.B. Malinovskaya]. F. 259, op. 1, d. 100, ll. 4, 5. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-Political History] (RGASPI), Moscow, Russia.

[63] Strumilin, *From the experience*, 145.

Russian edition of 1882 and the German edition of 1872 by Karl Marx and Friedrich Engels and the work by G. Plekhanov *A few words from the translator*.[64]

In addition, on behalf of the group of exiled Social Democrats, A. Bogdanov corresponded with the editors of the Social Democratic newspaper Iskra. His first letter has not survived, but from the reply by Nadezhda Krupskaya dated October 2 (September 19), 1901, it is clear that in it the exiles asked how they could help the newspaper.[65] At the end of the winter of 1901–02, Lydia Kantsel (née Tsederbaum; sister of Yuliy Martov) came to Vologda illegally. There she met with Boris Savinkov (at that time she was a fiancée of his older brother Alexander, also a Social Democrat) and A. Bogdanov. As a result of negotiations with them, on March 9 (February 25), 1902, Kantsel wrote to the Iskra editorial board that

> will write from Vol[ogda], will sign as X. . . . will write about an offer to supply brochures. . . .their views (at least those they declare in writing) will completely coincide with those of Iskra, so they can be trusted.[66]

The fact that her letter refers to A. Bogdanov's group can be corroborated by the appeal to him in Iskra no. 18 as of March 10: "To Tanya's friend in the North. Repeat the mailing address and write carefully."[67] Tanya was the name of Lydia Kantsel in correspondence with Iskra.

Thus, the following letter from A. Bogdanov to the editors of Iskra was expected. On March 7 (20), 1902, he wrote to Vladimir Lenin:

> There is a group of people who are capable and ready to contribute to your causes by literary writing. Publication of a series of brochures intended for the broad layers of urban population will be the best form of such contribution. If you give us an opportunity to print, the group can vouch: 1) for the correct periodic delivery of literary material and 2) for its satisfactory literary and programmatic (the program of Iskra) quality. . . . It is desirable to concentrate the editorial on site . . . the group suggests . . . that the manuscripts should be accepted without any changes in the text or rejected.[68]

The latter proposals were put forward as a condition for cooperation.

---

[64] See L.F. D'yakonitsyn, "Lenin's *Iskra* and the Vologda political exile" [in Russian], in *Transactions of the Moscow State Historical and Archival Institute*, vol. 16 (Moscow: Rossel'khozizdat, 1961), 224.

[65] Correspondence of V.I. Lenin and the editors of the newspaper *Iskra* with the social democratic organizations in Russia [in Russian], vol. 1 (Moscow: Mysl', 1969), 255.

[66] Correspondence of V.I. Lenin and editors of the newspaper *Iskra*, vol. 1, 441.

[67] Correspondence of V.I. Lenin and editors of the newspaper *Iskra*, vol. 1, 453.

[68] Dmitrieva, et al., *Marxists-Leninists in Vologda exile*, 30–31.

In his reply letter, V. Lenin "beseeched" "not to insist on the condition of accepting or rejecting brochures en bloc without any partial changes," arguing that the very first article sent, "on the organization (on the technical tasks of the organization)", "in the general opinion of the editors" (although "interesting and valuable in itself") could not be accepted as it was because there were absolutely inappropriate and tactless things (such as "single-handedness" and "dictatorship of one committee member", etc.), and there were also specific defects that required correction." Further on, Lenin confirmed that the editors "generally agreed to accept or reject articles as a whole, without individual corrections," but under this condition they would be forced to reject that particular article, which would be "harmful for the cause", and suggested again, "by way of example" and "as an experience," that the editors should be given the right to make the necessary changes.[69]

From Bogdanov's lips, the Vologda exiles continued to insist:

> since the manuscript you received on technical problems is the result of practical experience, the author cannot agree to changes in the text, especially since what seems tactless to you, for example, the issue of single-handed origin, seems to him a condition sine qua non of a harmonious organization. This, of course, is a detail, but the disagreement on this point is very characteristic and allows one to be afraid of further disagreements. . .[70]

The most interesting thing comes further:

> . . . the author asks either to print the entire manuscript without changes, supplementing it with whatever notes and comments the editors deem fit, and if it is impossible, to hand it over to the Socialist Revolutionary comrades, . . . stipulating the same condition about the immutability of the text and about the right of the editors to make any comments, notes, etc. The point is that from the author's point of view, it is in the interest of the cause that the entire article should be published unchanged because it contains a new organizational tactics that hasn't been tackled in the literature so far.[71]

This article never appeared in Iskra although the question of its publication was repeatedly raised in subsequent correspondence. But the most interesting thing is not that but the fact that it was written by. . . B. Savinkov, and L. Martov wrote about it:

[69] V.I. Lenin, "Letter to A. Bogdanov. March 1902" [in Russian], in V.I. Lenin, *Complete works*, vol. 46, *Letters of 1893–1904* (Moscow: Gospolitizdat, 1964), 175.

[70] Dmitrieva, et al., *Marxists-Leninists in Vologda exile*, 32.

[71] Correspondence of V.I. Lenin and editors of the newspaper *Iskra*, vol. 1, 485–86.

> Lenin's organizational ideas as an answer to the difficult question of organizing a massive movement out of the conspiratorial underground were in the air so much that simultaneously with Lenin, in almost the same terms and with even greater extremes, they were formulated by Boris Savinkov who sent the editors of Iskra an extensive article on the nature of party work in the forms of party organization from his exile in Vologda.[72]

The correspondence continued in 1902 and concerned mainly the exchange of addresses and the discussion of the details of delivering illegal literature, primarily Iskra itself, to Vologda. The information about the condition of the exiles in Vologda which appeared in the newspaper[73] testified to the fact that Iskra continued to receive correspondence from this city.

Conclusion

Bogdanov's term of exile ended on December 31, 1903, and in January 1904 he left for Tula (despite being freed from police surveillance, he was not allowed to take residence in the capitals and metropolitan governorates for another five years), and then went abroad. By the time Alexander Bogdanov had appeared in Geneva, the center of the social democratic emigration, at the beginning of 1904 he had a reputation of a convinced Marxist and talented writer. According to N. Valentinov, by this time Bogdanov

> had become very well known in the social democratic circles; he had extensive literary connections in St Petersburg and in Moscow. . .[74]

It is not surprising that, according to P. Lepeshinsky, the "Mensheviks were alarmed" when

> a very prominent worker with such solid theoretical training and literary talent as those Alexander Bogdanov had took the side of the Bolsheviks.[75]

The time spent by Alexander Bogdanov in exile in Vologda paid off and had a great influence on his formation as a scholar and a politician.

---

[72] L. Martov, *History of Russian social democracy* [in Russian], pt. 1, 3rd ed. (Petrograd; Moscow: Kniga, 1923), 67–68.

[73] See, e.g., *Iskra*, April 1, 1903.

[74] N. Valentinov, *Meetings with Lenin* [in Russian] (New York: Chalidze Publications, 1981), 322.

[75] P.N. Lepeshinskii, *At the turn (From the end of the 80s to 1905). Impressions on-the-way by a participant in the revolutionary struggle* [in Russian] (Petrograd: Gosizdat, 1922), 205–06.

Список литературы

Безчасный К.В. Концептуальные представления А.А. Богданова о теории самоорганизации систем в клинике нервно-психических заболеваний // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2019. Т. 11. № 3 (56). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2019_3_56/nomer09.php (дата обращения: 26.02.2021).

Дьяконицын Л.Ф. Ленинская «Искра» и вологодская политическая ссылка // Труды Московского государственного историко-архивного института. Москва: Россельхозиздат, 1961. Т. 16. С. 221–229.

Дюжев Ю. «Эти характерно русские искания...»: («Битва идей» в литературе европейского Севера первой половины XX века) // Север. 1998. № 3. С. 148–160.

Земляков А.В. Административная ссылка в Российской империи конца XIX – начала XX в. // Омский научный вестник. 2003. № 2 (23). С. 17–20.

Калинина Д.А. Феномен политической ссылки в оценках российских ученых и политических деятелей // Вестник ВятГГУ. 2011. № 3-1. С. 42–47.

Коновалов Ф.Я. Эффективность административной ссылки как меры наказания в начале XX века: (по материалам Вологодской губернии) // Европейский Север России: традиция и модернизационные процессы: материалы научной конференции (Молочное, 2–3 марта 2006 г.) / под редакцией М.А. Безнина и др. Вологда; Молочное: ИЦ ВГМХА, 2006. Ч. 1. С. 129–136.

Кохно И.П. Вологодская ссылка Луначарского // Литературное наследство. Т. 82. А.В. Луначарский. Неизданные материалы. Москва: Наука, 1970. С. 603–619.

Луценко А.В. Особенности мировосприятия А.А. Богданова и Н.А. Бердяева применительно к формированию научного мышления // Вестник ТГПУ. 2015. № 11 (164). С. 138–147.

Марксисты-ленинцы в Вологодской ссылке (Из истории вологодской политической ссылки. 1893–1914 гг.): сборник докладов и материалов / под редакцией В.А. Дмитриевой, и др. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1977. 142 с.

Новоселов В. Вологодская ссылка А.А. Богданова // Вестник Международного института А. Богданова. 2004. № 3. С. 10–19.

Новоселов В. Марсиане из-под Вологды. Историко-литературное эссе об Александре Александровиче Богданове (Малиновском). Вологда: Ардвисура, 1994. 37 с.

Новоселов В. Новое о вологодской ссылке А.А. Богданова // Труды комиссии по научному наследию А.А. Богданова / ответственный редактор Н.К. Фигуровская; редактор-составитель Г.Д. Гловели. Москва: Институт экономики, 1992. С. 179–186.

Новоселов В. «Смысл грядущего открыть» // Русский Север. 1991. 9 февраля. С. 3.

Пономарев Е.Г., Дудченко Ю.Л., Рассказов В.Л. Внесудебные репрессии как мера борьбы по охране государственного строя в России во второй половине XIX – начале XX века // Философия права. 2014. № 5 (66). С. 62–67.

Розанов Ю.В. Литературная жизнь вологодской политической ссылки начала XX века // Вологда: историко-краеведческий альманах / главный редактор М.А. Безнин. Вып. 1. Вологда: Русь, 1994. С. 215–225.

Семенова А.Л. Философская публицистика начала 1900-х годов // Вестник СПбГУ. Серия: Язык и литература. 2008. № 2-II. С. 332–339.

Филатов Н. Присяжный поверенный // Закония. URL: https://www.zakonia.ru/site/270922 (дата обращения: 04.04.2021)

Шленская Г.В. Вологодской областной психиатрической больнице – 120 лет // Социальная и клиническая психиатрия. 2012. Т. 22. № 4. С. 101.

Яковлева А.Ф. А.А. Богданов (Малиновский): контекст формирования социально-философских идей (конец XIX – нач. XX вв.) // Философская мысль. 2015. № 12. С. 1–23. URL: https://e-notabene.ru/fr/article_17581.htm (дата обращения: 26.02.2021)

White J.D. Red Hamlet: the life and ideas of Alexander Bogdanov. Leiden; Boston: Brill, 2018. 552 p.

References

Bezchasnyi, K.V. "Kontseptual'nye predstavleniya A.A. Bogdanova o teorii samoorganizatsii sistem v klinike nervno-psikhicheskikh zabolevanii" [A. Bogdanov's conceptual ideas on the theory of self-organization of systems in the clinic of neuropsychic diseases]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*, vol. 11, no. 3 (56) (2019), accessed February 27, 2021, http://mprj.ru/archiv_global/2019_3_56/nomer09.php (In Russian)

Dmitrieva, V.A., et al., eds. *Marksisty-lenintsy v Vologodskoi ssylke (Iz istorii vologodskoi politicheskoi ssylki. 1893–1914 gg.): sbornik dokladov i materialov* [Marxists-Leninists in Vologda exile (From the history of Vologda political exile. 1893–1914): a collection of reports and materials]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe kniznnoe izdatel'stvo, 1977. (In Russian)

D'yakonitsyn, L.F. "Leninskaya *Iskra* i vologodskaya politicheskaya ssylka" [Lenin's *Iskra* and the Vologda political exile]. In *Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta* [Transactions of the Moscow State Historical and Archival Institute], vol. 16, 221–29. Moscow: Rossel'khozizdat, 1961. (In Russian)

Dyuzhev, Yu. "'Eti kharakterno russkie iskaniya...' ('Bitva idei' v literature evropeiskogo Severa pervoi poloviny XX veka)" ["This characteristic Russian striving..." ('Battle of ideas' in the literature of the European North of the first half of the 20th century)], *Sever*, no. 3 (1998): 148–60. (In Russian)

Filatov, N. "Prisyazhnyi poverennyi" [Attorney at law]. *Zakoniya*, accessed April 4, 2021. https://www.zakonia.ru/site/270922 (In Russian)

Kalinina, D.A. "Fenomen politicheskoi ssylki v otsenkakh rossiiskikh uchenykh i politicheskikh deyatelei" [The phenomenon of political exile as viewed by Russian scientists and politicians]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, no. 3 (1) (2011): 42–47. (In Russian)

Kokhno, I.P. "Vologodskaya ssylka Lunacharskogo" [Lunacharsky's Vologda exile]. In *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage], vol. 82, *A.V. Lunacharskii. Neizdannye materialy* [A.V. Lunacharsky. Unpublished materials], 603–19. Moscow: Nauka, 1970. (In Russian)

Konovalov, F.Ya. "Effektivnost' administrativnoi ssylki kak mery nakazaniya v nachale XX veka (po materialam Vologodskoi gubernii)" [The effectiveness of administrative exile as a punitive measure in the early 20th century (based on the materials of Vologda Governorate)]. In *Evropeiskii Sever Rossii: traditsiya i modernizatsionnye protsessy: materialy nauchnoi konferentsii (Molochnoe, 2–3 marta 2006 g.)* [Northern European Russia: tradition and modernization processes: proceedings of a scientific conference (Molochnoe, March 2–3, 2006], edited by M.A. Beznin, et al., pt. 1, 129–36. Vologda; Molochnoe: ITs VGMKhA, 2006. (In Russian)

Lutsenko, A.V. "Osobennosti mirovospriyatiya A.A. Bogdanova i N.A. Berdyaeva primenitel'no k formirovaniyu nauchnogo myshleniya" [Attitude features of A.A. Bogdanov and

N.A. Berdyaev with reference to formation of scientific thinking]. *Vestnik TGPU (TSPU Bulletin)*, no. 11 (164) (2015): 138–47. (In Russian)

Novoselov, V. "Novoe o vologodskoi ssylke A.A. Bogdanova" [New facts about Alexander Bogdanov's Vologda exile]. In *Trudy komissii po nauchnomu naslediyu A.A. Bogdanova* [Transactions of the Commission on Alexander Bogdanov's Scientific Heritage], edited by N.K. Figurovskaya and G.D. Gloveli, 179–86. Moscow: Institut ekonomiki, 1992. (In Russian)

Novoselov, V. "Smysl gryadushchego otkryt'" [To reveal the meaning of the future]. *Russkii Sever*, February 9, 1991, 3. (In Russian)

Novoselov, V. "Vologodskaya ssylka A.A. Bogdanova" [Alexander Bogdanov's Vologda exile]. *Vestnik mezhdunarodnogo instituta Aleksandra Bogdanova*, no. 3 (2004): 10–19. (In Russian)

Novoselov, V. *Marsiane iz-pod Vologdy. Istoriko-literaturnoe esse ob Aleksandre Aleksandroviche Bogdanove (Malinovskom)* [Martians from near Vologda. A historical literary essay about Alexander Alexandrovich Bogdanov (Malinovsky)]. Vologda: Ardvisura, 1994. (In Russian)

Ponomarev, E.G., Yu.L. Dudchenko, and V.L. Rasskazov. "Vnesudebnye repressii kak mera bor'by po okhrane gosudarstvennogo stroya v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka" [Extrajudicial repression as a measure of struggle for the protection of the state system in Russia in the second half of the 19th – early 20th century]. *Filosofiya prava*, no. 5 (66) (2014): 62–67. (In Russian)

Rozanov, Yu.V. "Literaturnaya zhizn' vologodskoi politicheskoi ssylki nachala XX veka" [Literary life of the Vologda political exile at the beginning of the 20th century]. In *Vologda. Istoriko-kraevedcheskii al'manakh* [Vologda. Local history miscellany], edited by M. Beznin, is. 1, 215–25. Vologda: Rus', 1994. (In Russian)

Semenova, A. L. "Filosofskaya publitsistika nachala 1900-kh godov" [Philosophical journalism of the early 1900s], *Vestnik SPbGU. Seriya: Yazyk i literatura*, no. 2-II (2008): 332–39. (In Russian)

Shlenskaya, G.V. "Vologodskoi oblastnoi psikhiatricheskoi bol'nitse – 120 let" [Vologda Oblast Psychiatric Hospital is 120 years old]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya*, vol. 22, no. 4 (2012): 101. (In Russian)

White, J.D. *Red Hamlet: the life and ideas of Alexander Bogdanov*. Leiden; Boston: Brill, 2018.

Yakovleva, A.F. "A.A. Bogdanov (Malinovskii): kontekst formirovaniya sotsial'no-filosofskikh idei (konets XIX – nach. XX vv.)" [Alexander Bogdanov (Malinovsky): the context of the formation of socio-philosophical ideas (late 19th – early 20th century)]. *Filosofskaya mysl'*, no. 12 (2015): 1–23. https://e-notabene.ru/fr/article_17581.htm (In Russian)

Zemlyakov, A.V. "Administrativnaya ssylka v Rossiiskoi imperii kontsa XIX – nachala XX v." [Administrative exile in the Russian Empire in the late 19th – early 20th century]. *Omskii nauchnyi vestnik*, no. 2 (23) (2003): 17–20. (In Russian)

Информация об авторе

Алла Юрьевна Морозова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник; https://orcid.org/0000-0003-2330-3795, allamorozova1992@gmail.com, Институт российской истории РАН (117292 Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19)

Information about the author

Alla Yu. Morozova – Candidate of Historical Sciences, senior researcher; https://orcid.org/0000-0003-2330-3795, allamorozova1992@gmail.com, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanova str., Moscow, Russia,117292)

Статья поступила в редакцию 05.03.2021; одобрена после рецензирования 23.03.2021; принята к публикации 05.04.2021.

The article was submitted 05.03.2021; approved after reviewing 23.03.2021; accepted for publication 05.04.2021.